

Я вложила в твое сердце материнскую свою любовь. Все, что имела, тебе передала и сделала тебя своим наследником. Теперь посмотри, какая Церковь возросла! Сколько отцов со Святым Духом!

Храни сердце в чистоте и твори поклоны, псалтырь вслух и про себя и омовение святой водой. Много еще придут от тебя наставиться и получить печати.

Никогда не сомневайся в моей материнской помощи. Как бы ни искушал тебя лукавый, я от тебя не отступлю. Я как мать вижу твою брань, сражаюсь на твоей стороне и молюсь о тебе, днем и ночью предстательствую перед престолом Божиим, и прошу других святых молиться о тебе.

*Откровение матушки Евфросинии
на мощах блаженному Иоанну,
ноябрь 2002 г.*

Иоанн Богомил

Евфро МИРО

устыне христианства за последние
ва подвижника, умивших о стяжании Духа
Заровский и ваша покорная слуга?! - За-
в часы небесных стран-ствий.

Синица ТОЧИВАЯ

ЖИТИЕ (1916-1993)

Кровице, па... тников. Исходит
го наместника... и Аветшит,
А... менте...
бу... ттуала...
лк... скульо...
А... с...
мы... шенька
р...
весе... окру...
поче... льно по...
в... стина...
... свои грот. На...
... ввербальной...
... ст на зад...
... для тебя...
...
... Святого...
... тысяч...
... Христа...
... православно-католические святые находят...
... обитает в труднодоступных пе...

ЗЕМНАЯ НЕБОЖИТЕЛЬНИЦА

*Матушка Евфросиния очами
блаженного Иоанна*

Предисловие

С древнейших времен существует на земле особая ветвь подвижников, через которых из уст в уста, от сердца к сердцу, от поколения к поколению передается негасимая свеча истинной духовности. Помазанники, неся на земле тяжелый крест, открывают вход в сферу превышенебесных блаженств. И те, кто дерзает следовать им, возгораются пламенем вышней любви.

Ритуальное жречество во все времена преследовало божественных вестников, запрещало их весть, оскорбительно называло еретиками, сектантами, тем самым запечатывая входы в Царствие. Но несмотря ни на что, таинственная ветвь помазанничества была чудодейственно хранима на земле.

Евфросиния Почаевская – величайшая помазанница, олицетворяющая собой жемчужину истинного христианства. Тайна ее в том, что она

была чудодейственно обожена – восстановлена в архетипе богочеловека, стала олицетворением Богини Девы Матери. Вслед за нею и нам дана прекрасная возможность, следуя ее практике, быть восстановленными в непорочных составах и бессмертных телах.

Евфросиния олицетворяет собой великую ревность, метаноический огонь, которым и совершается внутреннее преобразование. Многие сегодня постятся, творят поклоны, посещают богослужения, вычитывают псалтырь... Евфросиния – единственная, кто в атеистические времена открывал ищущим блаженство веры.

Живая возжженная свеча. Внешне нищенка, беспаспортница, бомжиха, а в духе – огненная царица. Все в ней было блаженно. Всё вокруг нее благоухало. Поклончики с ней восхищали на небеса; простая еда становилась царственной трапезой. Вкушать простой хлеб с картошкой, каяться в грехах, творить поклоны, омываться на источнике, просто пребывать с ней – неизреченное блаженство.

Важно увидеть Евфросинию очами блаженного Иоанна – ее верного сына, любимого ученика и наследника, чтобы не соблазниться внешним образом ее подвигоподвижничества. Цель духовного подвига – не столько личное очищение, обретение совершенства, сколько вхождение в огненный свет миннэ, чтобы быть способным пробуждать от элогимской спячки страждущее человечество.

Не так-то просто пробудить стократ усыпленных! Вестник должен быть буквально охвачен огненной мощью Духа.

Старица ставила конкретную цель: достичь совершенной святости через практику стяжания Духа Святого. Прививала печати ревности о чистоте, огненном покаянии. Влюбляла в таинство омовения на святых источниках. Обожала омы-вать своих чад в белых купелях, врачую души, исцеляя от неизлечимых болезней. Жить не могла без псалтыри, оведала благодатью ночной псалтырной молитвы.

Великая созерцательница. Унаследовала сокровищницу афонских исихастов, последователей Григория Паламы и, пожалуй, превзошла их бесценный опыт. Матушка восхищалась в огненных преосенениях в высочайшие небесные сферы. Полнота созерцания претворялась в духовное трудничество: поклончики, псалтырь, пост, странничество...

Всё, что делала Евфросиния, было наполнено блаженством безмолвного внутреннего диалога с Божеством, приводящего к всесовершенному мистическому браку, сочетанию в одно. Практика Евфросинии соединяла в себе огненную псалтырную молитву и апостольство. Матушка говорила: 'Если не благовествуешь – с тобой нет Христа'. Апостольство воспринимала как блаженный крест. Терпела гонения, клевету, удары. Но щит Духа Святого укрепляет апостолов рыцарским бесстрашием.

Приходящим к ней старица никогда не давала сразу практических советов. Начинала с беседы, глубоко вчитываясь во внутреннее человека. Уловляла ноту боли, прислушивалась к голосу Духа Святого, тонко вчитывалась в сердце. Чутко выслушав, молилась, духовной интуицией про-

зревая причины наболевших проблем, и только тогда подавала ключи к победе. Действовала непредсказуемо, демонстрируя вершину старческой прозорливости, сходящей как огненная сфера. Бывало, наставляла так:

‘Божия душа, прекрасная, но твоя бабка – ведьмоватая. Обольщала, грела. Ты приняла от нее родового колдовского духа. Ревнуй о Духе Святом. Горячо кайся в совершенных грехах (похоть, супружеские измены, аборт), вычитай такое-то количество псалтырей’.

Другому, участливо выслушав, говорила:

‘Твоя душа чистая, зла не познала, но травмирована лукавым, обольщена. Завет с князем мира сего на страхах, похоти, материализме. Прозревай. Развязывай узлы, глубоко кайся, очищайся. Возжигай свечу, загорайся! Будет трудно – терпи. Вычитай столько-то псалтырей, клади ночные поклоны, омывайся на источниках. Через полгода придешь ко мне’.

Практика духостяжания матушки Евфросинии вводит в купину Духа Всеблагого, открывает небо добрейших Отца и Матери чистой любви. Как важно современным подвижникам принять ее печати, чтобы вера принесла достойные плоды! Божия Матерь сегодня как никогда нуждается в огненных светильниках, способных входить в ее несказанные блаженства. Как никогда сегодня на земле велика нужда в огненных столпах богомильского солнца!

Как нам, травмированным, задавленным греховной чашей, войти в солнце Доброго Божества? Необходимо привиться к ветви помазан-

ников. Принять ученичество в школе блаженно-го Иоанна, наследника духовной сокровищницы матушки Евфросинии, опытно освоить многочисленные ступени лестницы обожения.

Ей было открыто: внешнее в церкви – только повод, способ достичь полноты блаженства. Так учила: за гробом Матерь Божия встречает каждого – ‘Что ж ты не каялся, чадо? Я тебя призывала...’

Не стоит уповать только на личные усилия, аскетические подвиги. Без помощи свыше ни один даже самый опытный подвижник не способен искупить и малую толику греховной чаши. Старица Евфросиния преподносит самый плодотворный ключ прощения грехов – *огненная метанойя*. Грехи прощаются великой ревностью о Духе Всеблагом.

Уникально учение матушки о *вымаливании* грехов. Греховная чаша вымаливается псалтырью, поклонами, омовением на святых источниках. Феноменальные ключи истинного, от гипербо-рейских времен идущего православия!

Скажите какому-нибудь современному прихожанину, что грехи прощаются и на земле можно достичь совершенной святости. Иронично усмехнется и начнет цитировать святых отцов: мол, если великие праведники едва спасутся, что говорить о падших грешниках...

Старица Евфросиния утверждала: ‘Мне прощены грехи!’ За это ее травили, называли прелестницей, еретичкой, сумасшедшей... Порой доходило до того, что пинали, били палкой по голове. Но действительно, ей были прощены грехи, и она

достигла совершенной святости! Тому подтверждение – ее мироточивые мощи.

Евфросиния – живая сокровищница с неба. Ее жизненный путь, свидетелями которого мы становимся благодаря прекрасной книге отца Иоанна, – парадоксальный, юродивый, непредсказуемый, до мельчайших деталей срежиссированный небесной Премудростью, – вдохновляет устремиться к вершинам духостяжания. Верим: следуя наставлениям матушки, ее уникальной практике, многие поколения грядущих подвижников познают блаженство земных небожителей.

Олег Афанасьев

О СВЯТАЯ МАТЬ, Я БЫ ГОВОРИЛ О ТЕБЕ ЕЩЕ И ЕЩЕ!

От автора

Жития не пишутся о живом ближнем. Где-то там, в паноптикуме – мартирологи, мартирии, жития... Святая Евфросиния никуда не уходила. Ее нетленную плоть положили в пещеру. От мироточивых мощей гроб покрылся клейкими небесными маслами, и вся матушка просияла небесной радостью небожительницы.

Бог прославил старицу так, как не прославлял ни одного подвижника в XX веке. Мощи ее благоухают. Рядом с ними постоянно происходят чудеса. Продолжаются мироточения, явления матушки многим и исцеления. Школа Евфросинии начинает торжествовать в Испании и Хорватии, Японии и Америке, как если бы она пребывала на земле во плоти или сошла по второму сроку.

В последнем откровении Евфросиния называет себя одной из двенадцати малых богородиц из свиты Пресвятой Девы – *тех, кто рождает Христа во внутреннем нашем.*

Житие Христа, писанное им самим

Я счастлив, что в ее житии нельзя ничего понять. Оно столь же запечатано, как Христово Евангелие. Сегодня мирно и чинно понимаем мы, что Бог воплотился на земле, принес себя в жертву ради спасения... В ранние же времена евангельские сказания казались чистым безумием. Понятно – Заратустра, вознесенный к огненному престолу Ахурамазды, получивший от него наставления о небесном царстве и составивший Авесту. Понятно – Мухаммед, бывший в общении с архангелом Гавриилом и составивший на тысячелетия Коран, священное писание ислама. Крест же – ‘безумие для эллинов и юродство для иудеев’.

Житие Евфросинии, смею сказать, ее малое словоецкое евангелие – на первый взгляд, такое же безумие. Ее всюду гонят, бьют. Сторожа храмов натравливают огромных псов. Игумены под видом постройке кельи хотят отнять у нее молитву. Страшные двухметровые старухи с челюстями как у акулы приходят с целью разорвать ее на куски. Чуть не ежедневно умирает, по две-три недели лежит неподвижная, приговоренная всеми к смерти. Внезапно встает, бежит в храм к полунощной, опаздывает. Здесь ей ‘сажают’, кто ‘работает’...

В обычном ветхом порядке абсолютно недоступно для понимания! Если же приобщен к страстному (переведен на евангельские часы) – становится понятной любовь Евфросиньюшки к Евангелию Страстей.

Спаситель приобщил ее к своим испуитель-

ным скорбям и сделал любимой ученицей. Житие Христа, писанное им самим – самое незабываемое и яркое о ней впечатление. Блаженная Евфросиния несла дух самого Христа (!). Ученику ее открывалось, как много искусственных привнесений, чуждого духа, как много в христианстве такого, чего Спаситель не благословил бы, чего никогда не сделал бы сам. Если бы Христос открывал тайны своих внутренних переживаний, что видит в своих учениках и окружающих, колеблющиеся пришли бы в ужас от таких описаний! Не смогли бы перенести. Потому и ограничивался притчами, говорил намеками.

А у меня была и есть Евфросиньюшка. Жила старушка в пятикратно увеличенной собачьей конуре. По ночам бегали коты и астральные крысы. Фитилек догорал в керосиновой лампе вместо лампадки и паникадил. Но благодать гу-стая и – ангельский чертог. Ходил я в Евфросиньюшкином облаке: и молитва в ночном храме при свечах, и блаженно. И ночевать в Успенском соборе в окружении странниц-бабуль и сказанных мужичков, тогдашних съеденных совковскими мамами калик переходящих, принявших веру православную – чудо! И слетать на Почаевскую горку, где источник св.Анны-пророчицы. Или расположиться где-нибудь на травке напротив кременецкого горсовета, ‘дуя’ псалтырь и ‘хлеца’ поклончики по три тысячи за ночь. И слышать ее голос: ‘Наташка! Наташа, не ‘работай’!..’ И: ‘Кипяток льют на спину! Читай Киприанову!’ – экзортическую молитву на изгнание бесов, столь сильную по действию, что требуется разрешение

старца на ее вычитывание. 'Не могу молиться больше, сил нет. Завтра пойду на проповедь – летать буду'.

Где благодать, там и церковь

Что мне нравилось в ней: неотмирская. Как летающая тарелка, как облако живоносное. И по земле-то еле ходила. Монахи тыркались: кто, мол, что? Замолившаяся прелестница? Для них она никто. НЛО, живой Неопознанный Летающий Объект.

Много дураков постившихся было, и молящихся ведьм, и крестящихся аферистов, и дундукающих иерихонских труб, и разнообразной формы дугообразных колесом-покати животов. Да только церковь – уголок святости, где дыхание Божие. Расположусь на четырехслойной клеенке близ Евфросиньюшки, и хорошо.

– Матушка, можно с вами в келье ночевать?

– Да у нас места-то, детка, всего на двоих в собачьей нашей конуре. Я и Наташа. Где ж ты расположишься?

– В ногах.

– Пошел бы в гостиницу монастырскую или в ту что напротив, светскую. Снял бы номер и спал спокойно.

– Нет, матушка, лучше в собачьей конуре.

Где благодать – там церковь. Где хорошо, там церковь. Там, в твоём шалашике метр на полтора – пятимерное пространство, а под гранитными сводами с химическими запахами да хитрющими глазами тяжело мне, пытка. Супротивница, блудница вавилонская имитирует Пречистую. Другая

жена, и под ногами у нее не луна, а голова Иоанна Крестителя, ибо гонит святых. И на голове у нее не царская диадема, как у апокалиптической Солнечной Жены, а инквизиторская шапочка. Насмотрелся я...

Как быть с церковью этой, веющей склепной стариной? Или в другую крайность податься – к зубрилам-протестантам?

Нет, нельзя церковь предавать, поскольку свята и поставлена от сотворения мира. И покуда на земле свет, хранится и церковь, как облако небесное и скиния живая. Но нельзя и принимать с ее настоящими болезнями и адскими поражениями, поскольку осквернена. И понимай как хочешь. И оставлять нельзя, и принимать. И святая и оскверненная. И апостольски-безмолвствующая. И едино-расколота. И соборно-разбредшаяся. На языке танна¹ – оскверненная святыня. По-гречески – апостасийная.

Остается видеть ее такой, какой ее Господь создал. Нужно око, взирающее издалека, из пятого измерения.

Совершаются духовные роды церкви. Нельзя бросать ее больной. Нельзя, подобно протестантам, хулить, отвергать ее таинства, Пресвятую Деву, Евхаристию. Но еще хуже, подобно фарисеям, слепо блюсти древние каноны и смертоносной буквой убивать живых святых.

Где веяние Святого Духа на живоносных водах? В распрекраснейшем 103-м псалме живописуется образ истинной церкви: 'Поставил

¹ Учителей веры древнего Израиля.

ковчег на водах, шатер распростер на небесах...? Я им был храним, как младенец Моисей в корзинке, брошенной в воды Нила. В ковчеге на водах плавал с Евфросиньюшкой между Почаевом, Кременцом и Святой Горкой. На небесах был от блаженства. Помню, тогда приятель-композитор приглашал в хрустальный дворец в пригороде австрийской Вены. Да какая Вена, если в евфросиньюшкиной собачьей конуре – царство небесное! Туда залезу и блаженствую.

Христиане тем и живы, что юродивые, и облакаются в одежды, каких на земле нет. И знают блаженство большее, чем двухтысячедолларовый-в-месяц рай с идеалами истеблишмента и оком, вперенным в телекомментарии к 25-й несуществующей главе Нострадамуса.

Церковь мечты Господней

Церковь мечты Господней. Ею предварится золотой век – какой ее хотели видеть святые, о какой грезил император Николай, рыдала императрица Александра Федоровна.

Раньше отцы боролись с ересями еврейскими и греческими, с разными гностиками. Сейчас – нью-эйдж, колдуны, йоги. Церковь выйдет победительницей над четвертым измерением, и космический змей покорно ляжет под ноги Солнечной Жены. И не вселенскими соборами, а веселыми вече святороссов утвердится на земле свет Царствия. Утвердится ослепительная, дивная святыня неземной доброты: православие за вычетом того, во что превратили христианство (и язычество) жрецы-институционалы.

В 1991 г. Россия приняла церковь такой, какая ей досталась. Не удалось отрясти прах сделок с ГПУ. В 1917 отвергли 'жандармских клобуков', в 1991 приняли с красной меткой на челе. Но нельзя ни принимать, ни отвергать! Не архивариусно-нотариальная, музейно-экскурсоводческая церковь – свыше сходящая. И если Царь о себе свидетельствовал 'Аз есмь Хлеб, сходящий с небес' и уподобил себя манне, сыплющейся в пустыне, то и церковь его не институт, а облако свыше. И не дом молитвы, а тайна присутствия Отца Небесного – или ничто. Где встанет прозрачная скиния, смонтируется мост, осуществится транссубстанциация (пресуществление) и войдет свет Царствия в земной наш небытийный мрак – там церковь, и Дары, и Чаша, и благодать, и Христос-Жених. И за одно 'Господи, помилуй!' – высоко восходящим старческим голосом – можно отдать девяносто томов собрания Льва Толстого с Дидро и Руссо впридачу.

Тайна подвижничества

Я десять лет провел с ней неотлучно, хотя виделись не чаще нескольких раз в году. Не сподобился видеть никакого чуда – большему был свидетелем. Чудо общения с живой святой, приобщения к сфере православия Святого Духа. Однажды войдя в эту намоленную скинию и непалимый куст, оставить его невозможно.

Теперь понимаю: *она* меня окрещала, мелхиседекова первосвященница, когда я ее дважды постригал – в монахиню и схимонахиню. И *она*

причащала меня нетленными святыми дарами, когда я причащал ее в красковском домашнем катакомбном храме, в доме отца Ильи.

Хранила. Любовью окормляла. Но слышал от других: вчера матушку выгнали из дома, и ночевала где-то в деревянных развалинах брошенной хаты без крыши с закопченной черной печью при температуре минус десять... Снимет демисезонное пальтишко, поправит две длинные шерстяные кофты, любимые ею (связал кто-то из чад), и ревностно перекрестившись – на поклончики. И стопы горят...

Евфросиньюшка была живым неукоснительным узким путем и дивным живым мерилom. Спросить у нее, что истинно, а что ложно, что православно, а что нет – матушка Духом Святым отвечала безупречно верно. И в отношении духа в человеке никогда не ошибалась.

Что я унаследовал от нее? Наверно, образ человека небесного, подвижника блаженного. *Духа* ее исполнился, *печати* ее стяжал, а путем пошел – каким Всевышний благословил идти. Ведь и Евфросиньюшка отличалась от слепивших ее старцев Амфилохия и Саввы. *Помазание таинственное* обрел – в нем тайна спасения, тайна подвижничества. Если не коснулся жезл Вседержителя чела твоего – тщетны подвиги и подвижание. Сколько бы поклонов ни творил, слез покаянных ни пролил, если нет избраннической печати на челе – пиши пропало.

Каждого Святой Дух ведет по-своему. Но непременно таинственное на вес платины преемство печатей, и на веки вечные подобает хранить

благодарность избраннику, коснувшемуся тебя жезлом.

Евфросиния, можно сказать, из двухсот миллионов российских православных и атеистов хрущевско-брежневских времен единственная жила, как Бог того желал. Жила как в Царствии Небесном. Жила в блаженстве. Какого это стоило ей креста, читатель поймет, надеюсь, хотя бы отчасти по ее собственной исповеди в конце этой книги.

Привратница Брачного чертога

Сколь таинственно учение истинного православия, столь благолепно и перспективно для подвижника третьего тысячелетия! Святая матушка Евфросиния – привратница Брачного чертога, сегодня и вовеки с нами, как сама Пречистая Дева. Матушка рада передать свои печати и поделиться наставлениями с любим, кто постучится в дверь ее кельи, кто посмеет приобщиться к тайне ее престола близ огненной иерархии соловецкой Второй Голгофы. В посмертных откровениях на мировых мощах Евфросиния просит призывать как можно чаще и искренне ее имя и обещает помочь каждому, кто призывает.

О святая мать, я бы говорил о тебе еще и еще! Написал бы тысячи томов – так люблю тебя. Но моя любовь ничто по сравнению с твоей любовью.

Сколько радостных часов было проведено с тобой! Сколько света ты принесла своим чадам! Одно то, что ты есть, что можно посетить тебя, удостоиться беседы... Вспоминал – окрыляла, во-

одушевляла. Летели на вокзал, покупали билеты – и к тебе, за тысячу верст, в твою ‘собачью конуру’. А хорошо там было так, что не променяешь ни на один хрустальный дворец!

Ты меня родила. Всем тебе обязан. Оставил писательство – взамен дала покаянную скрижаль, и иными открылись Ефрем Сирин, авва Дорофей в евфросиньином дыхании. Лавра без тебя – ничто. И бытие мое – ничто без тебя, скудное. Некуда мне без тебя, молитвенница святая. И сейчас за любовь к тебе демоны избивают... Но держусь двумя руками за твой жезл. И келейку свою, на манер твоей ‘пятикратно увеличенной собачьей конуры’, только обитую вагонкой, украшаю крест-накрест иконками.

Многоликая, из тысяч окон смотришь на меня из Царствия. И под облучением твоего радостного взора благословляюсь. Нас искали сравить, рассорить в земные дни, поставить стену между мной и тобой. С чем-то был не согласен, не хватало веры. Каюсь, был слеп. Прости, что иногда не смог вместить преисподнюю антисферу, наплывавшую на тебя на сороковой день поста. Но не отрекался ни разу и никогда не отступал, и всегда благодарил, понимая, от кого родился, от кого печати, кому обязан.

Над Почаевом мощи мироточат. В Санкт-Петербурге – перенесение мощей святой старицы Евфросинии. Разве вы не знаете? Мощи над Святой Русью. Земля российская облагоухалась в мощах. Старица является тысячам.

Что я могу сказать о тебе? Люблю безмерно и благодарю за то, что улыбаешься с икон и фо-

тографий. Победительница! Утверждаешь мир Царствия. Что по сравнению с ним поэтическое томление, сомнамбулические выходы, городские магии?

Господи, укрепи. Святая матушка, укрепи меня.

Блаженный Иоанн

Пришелица из Царства

Смужде ангелски
мошкы, нѣмъ
утѣшеню, Того
вои мѣшкы
Съзиданъ
нѣмъ
СТАВНИМЪ
ЖАНЪ ДУБО
бытъ в Амур
Маринъ А
воспитанъ
несетинъ
чертъ
турини
обомъ
Того
шкы
ини,
вои мѣшкы
асе
Съзиданъ
него
увои
въ
нежево
мѣшкы
эсѣ
ресе
утѣшеню,
вои мѣшкы
Евросини,
М
бои мѣшкы
нои мѣшкы
мѣшкы
Сытымъ
сколкому
него
учениковъ,
т
ста
двѣмъ
къ
10
тѣмъ

1

НЕПОВТОРИМАЯ СТРАНИЦА В КНИГЕ ЖИЗНИ

Церковь как святость

Нать Евфросиния, старица Почаевская – едва ли не последняя русская святая. Уникальное явление тайной, внутренней, катакомбной русской православной церкви. Ее высочайшим образом благоговейно чтут многие верующие и священники.

Евфросиния несла сокровище, почти утраченное современной церковью, и вместе с тем в ней не было ничего еретического и сектантского. Преданнейшее чадо церкви, страдала от запустения, царящего в храмах: батюшки не постятся, Дух Святого нет ни на ком. Молилась обо всем мире (носовой платочек на молитве всегда в крови); никого не осуждала, всех принимала в сердце как родных чад. Дух огненной веры своей передавала многим ученикам. Исцеляла на источниках, призывала к странничеству, к святой совершенной жизни. По ее молитвам вставали с одра немощи инвалиды, исцелялись больные раком, туберкулезом, шизофренией. Скорбела столько, что хватит на десятерых...

Неужели мыслима святость в наше время? Но без святости нет веры. Христос, говоря о неодо-

лимости Церкви адскими вратами, предполагал несокрушимость и неколебимость не института, ведомства, общины, организации, конфессии, а *Церкви как святости*. Так понимали слова Христа учителя и святые отцы православия.

По привившимся у нас житиям святых (традиционные 12-томные жития Дмитрия Ростовского, Филарета Черниговского) сложилось отвлеченное представление о святости. Хрестоматийно причесанные, глянцеватые жития рисовали сплошь подвиги и торжество; подвижники представлены как идолы, недостижимые идеалы. Живой облик святого обесценивался, жития кроились по общему шаблону, писались 'этикетными' формулами, так что некоторые страницы перекочевывали от одного святого к другому...

Между тем, путь святых всегда более сложен, чем обычных смертных. Святой есть страница в Книге Жизни, неповторимая, не фиксируемая на бумаге, не объективируемая, остающаяся таинственной и соблазнительной для других. О нем можно прочесть, им можно восхититься, просить его помощи, но не должно ему слепо поклоняться, искать в нем недостижимого идеала. Тайна святых остается загадкой по сей день.

Интересно, что подлинные святые всегда сокрыты. Не в том смысле, что живут где-то в пещерах или недоступных болотистых местах. Нет – невидимо хранимы от нашествия мира, так что порой многие о них знают, но как бы не догадываются об их святости. И напротив, многие старцы и духовники, официально почитаемые, на проверку оказывались малодуховными. Их советы

и руководства не приносили деятельных плодов, и многие из ищущих чад оставались неудовлетворенными.

В православии пименовского времени была чрезвычайно распространена пессимистическая доктрина относительно невозможности достижения святости. Батюшки погрязли в сделках с совестью, почти все без исключения подписали бумаги с властями. По мере свершения симфонии церкви с кесарем пропала симфония Царствия. Небесное правительство ангелов и святых (покровительствующих церкви) заместилось бранным, земным. Угасла свеча. Тяжелая картина... О святости ли мечтать при таких заветах! Хотя бы веру не потерять окончательно и безвозвратно.

Десница Божия на ней

Одно только нужно: чтобы десница Божия пребывала на тебе. Прочее – ничто.

Как молиться? Куда идти? Господь ведет. Предаться Ему, чтобы Он действовал в нас. Отречься от себя.

Церковь² в этом первая помощница и мать. Определяет своими мерилami степень самоотречения. Измеряет дотошно крест и помогает его нести. Упаси боже *своих* откровений – вне подтверждения Церкви; *своего* креста – вне цер-

² Под Церковью подразумевается не православный или католический церковный институт, а собор богодухновенных белых старцев и стариц, гонимых мучеников, кому были присвоены ярлыки 'еретиков', 'сектантов', 'раскольников'. Тех, кто поклоняется доброму Отцу, не причастному злу, смерти, греху и соблазну. – Авт.

ковного содружества; *своих* образов – без отчего благословения. Упаси боже!

Я ничего о ней не слышал. Впервые я встретил Евфросинию на паперти Почаевской лавры, когда только обратился в веру. Странничал по России в поисках святых божиих угодников, в поездках не праздных – в желании наставиться, усовершениться. И после многих мытарств и поисков, жажды встретить живого святого, принять печати таинственной осиянной Церкви, внимать ее вибрациям – оказался в Почаевской лавре накануне праздника Успения Божией Матери.

Вижу маленькую сгорбленную старушечку в окружении толпы приезжих, прихожан. Верующих на Западной Украине много, и по воскресеньям, а также накануне праздников семьями садятся в машины и почитают должным поклоняться святым, исповедоваться, причащаться.

Как говорила! Заливалась слезами: ‘Гвозди Ему в святые рученьки вбивали...’ Кругом слезы. Плачут пятьдесят паломников, умиленно взирая на старицу. Небо плачет...

Супротив старицы – бесноватая: ‘У-лю-лю’. Тычет ее в грудь. Та будто не замечает. Ничего себе двухголосье! Христос и сатана столкнулись на маленьком пяточке.

Краем глаза я наблюдал за слушающими. Человек приближался, прислушивался, пару минут как бы входил в поле духовной медитации Евфросинии – и через несколько мгновений у него уже шли слезы: приобщался к невидимому Кресту, тайно присутствовал на Голгофе. Такова сила действия проповеди святых!

‘Ты для меня второй после Божией Матери’, – м.Евфросиния о.Иоанну

Проповедь закончилась. Хотел было уже отойти. Не успел пройти двадцати шагов, как неведомая сила заставила повернуться. Расступилась толпа – и увидел я над головою матушки в перламутровых отливах, словно из слоновой кости, десницу Бога Отца. И услышал слухом внутренним: ‘ВОТ ДОЧЬ МОЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. С НЕЙ МОЕ БЛАГОВОЛЕНИЕ’.

И внял во мгновение, и припал к ней. И старица повела меня в ‘пятикратно увеличенную собачью конуру’, где жила...

Так мы познакомились. В течение нескольких лет я регулярно посещал старицу, став ее чадом, наставляясь от нее в благочестивой традиции святой Руси: чтению псалтыри, поклонам, стяжанию Духа Святого.

Дверь православия Святого Духа

Не знал я тогда, откуда десница эта, почему опустилась над святою Евфросинией. Теперь, спустя годы (и часы перед ее мировыми мощами,

благоухающими во все миры), понимаю: она – *мать православия Святого Духа*. Вот почему ее успенский одр благоухает. Матушка – живой ковчег, сокровищница печатей. Притекайте и черпайте!

Разве понимал в тот день, что Евфросиния – новый Авраам, и в ней – завет с человечеством третьего тысячелетия? Разве понимал, что матушка – совокупная Церковь-мученица? В ней триста тысяч священников запечатали свои кресты, сто тысяч новомучеников сложили свои печати. И сам Отец снабдил ее дарами Духа Святого столь изобильно, что хватит на Церковь вселенского православия с тысячами многообразно одаренных подвижников на тысячу лет...

O sancta simplicitas, ее святая простота! И каждое слово – родное. Помню, говорила мне: ‘Ты для меня – второй после Божией Матери’. Я ей: ‘Ты для меня, матушка, вторая после Божией Матери’.

Тогда, когда видел ее во плоти человеческой, понятно, что имел в виду. А теперь понимаю – вторая после Божией Матери, поскольку обладала полнотой Духа Святого.

Сампсон Сиверс, Серафим Вырицкий, Пелагея Рязанская – сколько пробивалось старцев сквозь смуту красной симфонии и церковного запустения! Блистали старец Савва Псково-Печерский, чудотворец Амфилохий (оба – ее наставники)... А Евфросиния была *крещена* Духом Святым и единственная несла учение о *стяжании Святого Духа*, владея столь ясными образами, столь очевидными путями и столь прекрасными клю-

чами, что каждому говорила: 'Вот, возьми ключ и открой дверь. Иди, иди, открой. Теперь – десять тысяч поклончиков, маленькие жертвы, и смело ступай'.

Евфросиньюшка была блаженным заревом рассвета, чуждым застойного болота, поросшей пожухлой травой каменности. Летала как голубица с горящей свечой в сердце: 'Живая Божия Матерь... Живой Христос... Божия Матерь говорит... Христос сказал: нельзя, не ходи...'

Вот то, что я искал! Дверь, открытая ею, была дверью Православия Святого Духа. И кто вошел – блажен!

Огненная во всем, чего ни коснется. Даже двухчасовой сон – огненный. Перебирает четки, шевелит губами. Вокруг нее реют ангелы, рюлят демоны – жизнь не прекращается ни на секунду. Полуночная молитва о мире. В час ночи: 'Наташа! Читай Киприанову! Кипяток льют на спину... Помираю... Кровь из носа хлынула...' С двух до пяти хлещет три тысячи поклончиков – как прекрасный полет парящей птицы над звонким лесом, над утренним монастырем.

Слово Матери Божией³ приняла с легкостью, как если бы с Богородицей не расставалась. На тексты откровений смотрела как на письма родственницы своей, Богородицы, как на живое Слово Божие. Ни малейшего сомнения: 'Так и должно! Дух Святой говорит. Бог действует в нас. Жив Господь'.

³ Российское Откровение Божией Матери блаженному Иоанну, идущее с 1984 года по сей день.

О, если бы еще хоть несколько Евфросиний, подвижников ее силы! И один Бог воцарился бы на земле.

Евфросиния олицетворяла истинно христианскую свободу

Что бы ни говорили мы о Евфросинии, десница Божия пребывала с ней. Как бы ни рассуждали о Серафиме Умиленном, Господь хранил его. Больше ничего не нужно. Последнее мерило. Не знаю, как определить его – предвидение, предызбрание, домостроительство? – но *славить Бога может только тот, на ком Его печати, и видеть – только тот, кто одно с Ним*. И ничего нет слаще таких печатей.

Явление Евфросиния представляла уникальное, удивительное, ни на что не похожее, с элементами юродства, которые многим служили соблазном. Отнюдь не все понимали ее однозначно как святую. Иным казалась ‘замолившейся’, ‘фарисейкой’ – что только мы ни слышали о ней! Сознаюсь, и для меня было многое непонятно в Евфросинии. Но притягательность, обаяние Духа Святого и благодать, от нее исходящая, свет лучащийся были неотразимы. Отойти от нее было невозможно!

Сама старица сказала мне между прочим: ‘Смотри, изменишь мне! Прислушаешься, что говорят – и отойдешь. Сколько чад таких было...’ Я оставался верным и несколько раз в год навещал старицу. Не мог спокойно без нее жить и дышать.

Вся жизнь ее – сплошное чудо. В условиях тоталитарности, оказавшей влияние не только на

светскую жизнь, но и на церковную, Евфросиния олицетворяла истинно христианскую свободу, полную бескомпромиссность, завет последней правды. Старица служила доказательством того, что вневременной христианский идеал возможен в любых обстоятельствах – в самые темные, репрессивные для верующих и мрачные для церкви эпохи.

Среди широкого, размашистого, с элементами параноидальной гигантомании земного домостроительства ‘застойных’ времен Евфросиния воистину строила *Царство Небесное во внутреннем человеке*, возвещала пришествие грядущего Града Небесного. Трепетная старица, олицетворение чистоты православия – его целомудрия, смирения, алкания последней правды, святости и совершенства. Само вдохновение и ревность, трепет подвижничества, вольность странничества, пасхальное блаженство веры, упоение в ночной молитве при свечах в пещерном храме.

Сумма премудрости

Евфросиньюшка была для меня суммой премудрости Сираха и Екклезиаста, суммой пророков Илии, Елисея, Даниила, Михея и Малахии, иудейских терапевтов и афонских исихастов. Евфросиньюшка была для меня Варсонофием Великим, Иоанном-пророком и отцом-игуменом Саввой Псково-Печерским, которого я искал и не успел обрести – умер старец за два года до начала моих духовных поисков.

Евфросиньюшка воплощала православную

‘гору, тучную и усыренную’ (Пс. 67). Больше не было нужды покупать самиздатовский перевод ‘Добротолюбия’ (тем более не могло быть и речи, чтобы в те времена читать роскошное американское пятитомное издание) или тратить две инженерские зарплаты на 400-страничный томик ‘Аскетических писем’ Макария Египетского. Старица носила и заключала их всех в себе, ибо поставила целью стяжать Святого Духа – и Дух Святой наставлял ее на всякую истину. Ставила и более высокую цель: утешение получать не от матери Евдокии (духовной наставницы своей) и не от схиигумена Амфилохия или архимандрита Иакова в лавре, а от Духа Святого и Пресвятой Девы! И обрела утешение в настоящем и покой в вечности.

Распятый Дух Святой – условие рождения свыше

Дух Святой открыл Евфросинии то, что никогда не открывал ни одному подвижнику или монаху. Евфросиния постоянно напоминала: грехи ей были прощены. Потому и вкусила бессмертие и счастливо миновала врата мытарств и суда Божия.

Грехи прощены – значит, рождена свыше! Как может подобное существо ходить по земле? Каждая ее минута среди грешных – распятие, терновый венец. Ее не понимает никто. Ее молитва *воссоздана*, и против нее обрушивается вся преисподняя. Ее ревность неизъяснима, поведение не сводится к уставным нормам. Отовсюду гонят...

Внешние гонения – ничто по сравнению с духовными. Распятый Дух Святой – условие рождения свыше. Только по личным ее письмам можно насчитать свыше двадцати случаев смерти и воскресения. Семь раз кричала мне в телеграмме: ‘Умираю, приезжай!’ – и на седьмой преставилась. Кстати, таинственный глагол ‘преставилась’ означает *предстала Богу Вышнему*, или освободилась от уз земных. Согласно дохристианскому древнеславянскому представлению (духовность Богоотчего двора), смерть праведника – предстание пред милосердными очами Божиими, вхождение в чертоги вечной любви, рождение в жизнь истинную.

Тайна Евфросинии была сокрыта от окружающих. Можно определить ее же термином: истинного духа. Помазанница самого Христа. Несла печати и дыхание Христовы.

Хождение с Евфросинией было блаженно не тем, что старица ревновала о молитве и ночных поклонах с бдением, не ее милыми байками, а тем, что у собеседника, сородного ее духу, создавалось впечатление, что живет во времена Христа. Истинного духа христова и богородичного – единичы, а остальные – какого-то поврежденного, не того. Вроде бы говорят и молятся... но полностью или отчасти отлученные, *перевернутые*.

Вхождение во Христа, объятие Духом Святым и составляло тайну стяжания Божества как Женыха.

Крест матушки был сокрыт. Не видел никто, даже ближайшая ее келейница, молодая грузинка

Наталья из Нальчика. Ее рассказы, похожие на саморекламу, выглядели фантастическими, нереальными. Ее мир мог показаться безумным, и кто следовал ей, бывало, сходил с ума.

Прижмет псалтырь с помянником, скрестив руки на груди, и невесело: ‘Чада мои все больше в сумасшедших домах...’ Понимала соблазн, исходящий от ее видения, и не хотела ни с кем делиться. И оставалась одна. Понимала свое мучительное вероисповедническое назначение – передача печатей Святого Духа. Понимала, что ее путь – юродивый и особенный, исключительный и неповторимый.

Однако стяжание Духа Святого – конечная цель и вершина христианского пути. Поклоны класть не обязательно, Духа Святого стяжать – долг христианина. Каким путем поведет Святой Дух – от него зависит, но прильни, прилепись, сочetaйся и возлежи у ног матери Евфросинии, любя ее так, как она отца своего Никифора, как Иоанн Богослов – Спасителя своего и Учителя.

Истовая первосвященница Храма Духа Святого

Десница Божия, которую я увидел над ней, означала особое избранничество и, более того, рукоположение от самого Бога, или непрестанное на ней пребывание Святого Духа. Се знак крещения Духом Святым, крещения в Церкви Благоговейных – благочестивой ветви от Сифа до Нила Сорского и Серафима Саровского – и Евфросиньюшки Мироточивой. Ветвь наследующих золотым венценосцам, солнечным

светильникам. Сколько ни тщатся угасить их – не могут. Замирает в земные дни сердечная лучина – возгорается в вечности.

Во времена брежневского маразма удивлялся я одному: огненностолпная святая обитает близ монастыря, где подвизаются духовные, и ни один не видит ее в упор! Более того – гонят, проклинают, бьют ногами в живот, относятся как к последнему ничтожеству, презирают... Насколько мир слеп и церковь глуха! Так прошли и мимо Христа, хотя еще Креститель указывал на Него и призывал народ к покаянию.

Евфросинюшка явилась для меня столпом богомильского старчества в середине XX века. С виду – старушечка маленькая, едва различимая; на голове – монашеский черный платок, одета во всё черное. Сгорбленная, легкая, летающая... Великая богомилица, богородица почаевская. На ее худеньком деревянном крестике сияла печать Антония и Макария Великого, Варсонофия, Иоанна пророка, Иоанна Сергиева из Кронштадта. Это был столп, взметнувшийся в небо; град небесный, сошедший на землю. Лавра ею жила и дышала, на ее худеньких плечиках помещалась.

Ее мир, ее сила были столь несовместимы с окружающим миром, что ясно было: Евфросиния – *священник, сходящий свыше, который выше всех* (Ин. 3:31). Без прошлого и настоящего, без родословной, без отца и матери. Рукоположена самим Отцом Небесным – великий иерей по чину Мелхиседекову, пресвитер духовный, страждущий, хранящий в себе дароносительное сокровище подлинной Церкви.

Рукоположение *по чину* определено мужам. *По духу* – может сойти и на двенадцатилетнюю Люсию Фатимскую, и на святую Евфросинию Никифорову, соделав огненным апостолом истинного православия XX века наряду с Иннокентием Балтским и соловецкими мучениками.

Истовая первосвященница храма Духа Святого, скольких встреч сподобилась ты в вечности! В земные дни встречалась с каким-то монахом Антонием да игуменом Георгием. А на небесах – собеседница величайших мистиков и пророков.

Живой крестный путь

Общавшемуся с нею передавалась трепетная ревность к поклонам, молитве, монашескому благочестию, ее любовь к Пречистой Деве, вдохновение и творчество духа по преобразению естества... С нею отверзлась нам великая тайна о творчестве будущего. И мы постигли, что помимо книжно-кабинетного, умозрительного, предполагающего игру ума (в православном понимании начало порочное, подлежащее исповеданию и удалению), есть творчество духовное, вдохновляемое по самой Книге Жизни в ее знамениях и знаках.

Старица передавала чадам собственное видение мира, брани и отношения к ближним, открывала законы невидимой брани. Атмосфера вселенского странничества, омовения на святых источниках... Не было ни одного человека, самого малого, слабого и жалкого, к которому Евфросиния не отнеслась бы с предельным вниманием и

не отдала всё сердце. Скольких простила из числа тех, кто восставал на нее! Раненным своим сердцем вмещала весь мир без исключения, покрывала, омывала... а иным горько пророчествовала: 'Придет час – бросишь меня'. И действительно бросали, уходили. Одни – по благословию бабушек. Другие не выдерживали послушания. Единицам под силу были ее огненная ревность и аскетизм.

Евфросиния жила по небесным законам, открытым ей ангелом. Почти ничего не поясняла. Псалтырь не толковала. Зачем нужны поклоны – не объясняет, имея при этом учительский талант (учительница по призванию, духовная наставница). Понимала бесполезность объяснений духовного мира логическими доводами. Смирялась перед Богом и всегда довольствовалась тем, что подвижник может взять от нее, не требуя ничего сверх того.

Кто ревностно ей следовал, ходил вместе с ней – тому посвящала сердце. Неотступно молилась, писала письма, интересовалась как родная мать: 'Ну как ты, чем занимаешься? Ревнуешь ли о Боге?'

Ее никто не понимал, но бессознательно любили, понимая, что перед ними таинственное существо, пришелица из Царствия. Каждое ее слово было заострено как стрела и благодатно как ангельская манна. Для нее не существовало человеческих аргументов. Могла слету бросить молодым супругам: 'Спать в разных комнатах и принять обеты чистоты!' После нескольких минут беседы могла пророчески начертать жизнь на пятьдесят лет вперед.

Как щедро старица выплачивала долги свои Христу, исцелившему ее трижды, семижды, тысячу раз! Не успокоится, пока не вымолит какого-нибудь тридцатипятилетнего с туберкулезом кости, пока не дастся знак: исцелился. И дальше молится, пока тот не обратится и не изберет святую жизнь.

В ее личности потрясала последняя правда. Что от Бога, то и говорила, не считаясь ни с какими последствиями. И правда всегда побеждала. Верный признак старческой благодати: лица в присутствии матушки просветлялись.

Четки не выпускала из рук. Всегда ко всем относилась с равной любовью, начиная от бесконечно любимых ею до ни на что не годных и конченных колдунов. Более того, в абсолютно дзеновском ключе полагала: ведьма, 'познавшая' имеет равную с чистым человеком возможность стать святой. А порой, если горячее возревнует, и превзойти праведника.

Царский жезл и крест – побеждать врагов

Загадочны были ее высказывания. Священник, войдя в алтарь, 'поставил замо́к'. Тот – 'работает'. Этот – 'посунул'. Стоит в храме прихожанка – 'люто познавшая, как же ты не видишь?' Открытый ей невидимый мир был наполнен колдунами, беса́ми, замка́ми и работниками сатаниными... Но разве в этом суть? Старице был дан царский жезл и крест – побеждать врагов.

Как Богоматерь по вознесении Господа, Евфросиньюшка могла неделями лежать в глухом сарае,

согреваться псалтырью в холодном шалашике при температуре минус двадцать. Как жила? Бог весть. Неизъяснимо ходила по земле, еще более непонятно поднималась над землю. Перекрестит воду на святом источнике – становится целебной. Прочтет кафизму псалтыри о болящем сорокалетнем увальне по просьбе его матери, и тот исцеляется. Святая Евфросиния посетит его через неделю – тот ничего не понимает, говорит с ней по-прежнему. Ему и невдомек, кто перед ним!

Вспоминаю ее и приходит на ум: святые – как бы одна семья. Есть что-то общее между всеми. Каждое наставление Евфросинии дословно совпадает с руководствами старцев. Разве не ослеп от слез Франциск Ассизский? Разве не напоминает Евфросиньюшка своим переживанием креста великого католического святого Жана-Мари Вианья? Учение о православии как о стяжании Духа сближает ее с Серафимом Саровским. Молитвенная ревность, трепетное предстояние на литургии и чудеса, творимые на источниках, исцеления, идущие даже через письма и телеграммы – с Иоанном Кронштадтским...

Так и должно быть. Каждый святой содержит в себе от всех прочих и от самого Христа, вместе с тем являя нечто неповторимое, единственное – живая белая страница в Книге бытия.

Старчество красно своей неоднозначностью, явлением другого, *альтернативного христианства*, независимого от властей и побеждающего порядок мира. В этом кроется причина запрета на старчество в России в XVIII веке, а на Западе – еще раньше, в Средние века.

Но какова щедрость Небесного Судии! Евфросиния представляла собой умонепостижимый парадокс. Могла, например, сказать: 'Божия Матерь сегодня каялась передо мной в том, что завидовала моим дарам...' Можно сойти с ума от подобных высказываний! Но сколь неизъясним суд Божий, если прославляющие по полвека Богородицу монастырские монахи отправляются в ад, а блаженная Евфросинюшка с ее полубредовыми видениями вроде покаяния перед ней Богородицы царствует на небесах! Сколь непостижимы мерила, сколь таинственны стези! Сияет печать на челе избранника. И что бы ни делал – Господь прославится в нем и прославит его.

Бог подтвердил ее избрание, прославив мироточивыми мощами: живым благоуханием Царствия, райской пажитью, царским ковчегом. Та, которую я знал в земные дни как старицу Евфросинию, ныне – царственная дева, во всеуслышание утверждающая: *'Я – труба, через которую дует Бог'* (посмертное откровение).

Венец – за крест. Разве я летописец Нестор? Кто возьмет на себя труд описать твоё житие?

'Знаю, что некому, хотя среди чад и писатели хаживают, и актеры, и профессора. Знаю, что некому'. Сама берется за перо и на морозе крупными буквами лаконично пишет о себе. Посылкой прислала потом три сшитых школьных тетрадки бесценных записок о себе. Просила вернуть, другим дать почитать...

Потрясает смещение пространств, времен. Дважды указал мне на нее Бог Отец ('Се, дочь

Моя возлюбленная, с ней Мое благоволение’) – на паперти Почаевской лавры и с обретением мощей. Дважды одарил: в земные дни и в вечности. Чего же больше? Какое может быть большее благоволение, если плоть бессмертна и более того, мироточит!

Сюда, к ней! Троице-Сергиева, почему же не спешишь, почему презираешь живых святых? Заперли в Кронштадтском храме протоиерея батюшку Иоанна Сергиева, проигнорировали живого Серафима Саровского... не хотели знать и святую Евфросинию. Успела наставить святая ‘простофилюшка’ двоих отставных семинаристов, поваров из почаевской трапезной – и то тайна. Кому ставились на чело и в сердце ее мастерские печати, тех уже не оставляла тоска по Царствию, и мерцали в их молитвенной ночи таинственные окна Никиты Стифата, Феодора Студита, преподобного Серафима и юродивого Прокопия Устюжского.

Старица божественной влюбленности

Зачем приходит человек в этот мир? Чего ищет на земле? Горения сердца, огня во внутреннем, крыльев духа! Матушка Евфросиния – олицетворение внутреннего огня божественной влюбленности, небесного радования, неземного, неотмирского дыхания Духа, при котором каждое мгновение жизни превращается в чудо.

Как понимать житие великой старицы? Духовный путь, особые дары. Евфросиния была введена в особый порядок, сверхчеловеческий. Чтобы понять ее, необходимо прозрение ума и сердца, и

потому старица была закрыта для одних и явно видна другим. Была (и есть) существом особого порядка – неповторимым, нефиксируемым, как бы сверхтаинственным (если под ‘просто’ таинственным понимать обычную душу человеческую). В ней обитала *полнота* Духа Святого.

Была старицей любви. Девство – только для того, чтобы влюбляться! Обожала Божество Отца. Обожала *горячих*. Мне: ‘Я люблю тебя за то, что ты горяч’. И сама была огненная, горячая. Влюблена во Христа, влюблена в Божию Матерь.

Нужно возлюбить Христа до последней степени обожания безумной любовью, чтобы стать христом. И обожать Царицу Небесную, чтобы не отлучалась даже в часы оставленности и пустынножительства. И тогда Богоматерь сходит, пребывает, сочетается.

О, православная Россия! Свет сходит на подвижников и праведников. Небо объяло землю в последние времена. Святые буквально обнимают, лелеют на руках, шепчут на ухо – только услышь. Небо намного ближе современному человеку, чем Люцифер с его картами таро, гаданием и астрологией. Где же Церковь, нашедшая на мир, способная объяснить человеку, как близок ему Бог?

ЗЕМНЫЕ МЫТАРСТВА

Отец

Родилась в 1916 году на Петра и Павла. Где? – в бане. Впоследствии неоднократно вспоминала об этом необычном факте, сравнивая место своего рождения с яслями самого Господа. От роду уничтожение, жизнь скудная и многоскорбная.

В три года впервые задумалась о смерти. ‘Все умирают, и я умру’. От печальной мысли забилась в угол комнаты поближе к печи, слезы полились ручьями... Выплакавшись досыта, решительно ударила маленьким кулачком по коленке: ‘Все умирают, а я не умру!’ На радостях собрала игрушки и стала приплясывать в детском восхищении ума.

И сколько раз потом была на грани смерти, приговоренная окружающими, монахами, духовниками, ближними, хирургами! Но собирала волю в кулак и настойчиво говорила: ‘Не умру!’

Род отца – добрый и благочестивый. Почивает в светлых местах, по ее словам. Никифор, отец ее, был подпоручиком царской армии. Помногу молился, часто читал священное писание и какое-то время даже служил в храме. Детей было в доме восемь душ, но Евфросиньюшка – одна у

отчих ног, как Мария у стоп Спасителя, впитывает каждое слово и с благоговением смотрит на отца.

В партию Никифор не пошел, потом и идею колхоза отверг, после чего хозяйство у него отобрали, и семья осталась нищенствовать на улице: восьмеро голодных детишек и безработные отец с матерью.

В двадцать первом Никифора как бывшего царского офицера трижды водили в лес на расстрел. Дети бежали сзади: 'Дяденьки, не трожьте папу! Он у нас один, как мы будем без него... Дяденьки...' Их отгоняли, били прикладами: 'Пошли вон отсюда, нечего здесь делать'. Отбегут на несколько метров, и опять возвращаются. Плачут, кричат, так что голоса их слышны на всю округу...

На что были суровые времена, но даже красноармейцы растрогались. Ставят Никифора к дереву: 'Закрывай глаза!' – вскидывают винтовки... и опускают все как один.

Пощадили отца ради детей, однако помародерствовать успели. Обшарили нищенские закоулки дома, забрали последние из вещей. И жила семья Никифора по законам голодного времени.

В 1933-м – кампания по собиранию золота. Разоряют храмы, беспощадно обирают подозреваемых в 'укрывании' сокровищ. На беду, кто-то донес на отца Евфросинии: мол, прячет золото и в прошлом белый офицер. Пришли за Никифором ночью, взяли под караул и трое суток держали. Домой пришел совсем больной и три дня молчал; не в силах был даже встать.

Спустя несколько лет – опять стук в дверь. Задрожали, предчувствуя беду. Топот сапог отдавался в ушах, как подземный гул. Забрали Никифора и сослали в Гулаг, откуда уже не вернулся...

Из рассказов матушки.

‘Отец мой Никифор был праведный и гонимый. Мать его не понимала, и взгляды не разделяла: что, мол, в колхоз не вступишь? В нищете семью губишь, упрямый! Или Бог с тебя не спросит за голодающих детей?’

Язвила день и ночь. Утешение находил в Евангелии. И меня как любимицу свою, бывало, позовет. Встану у коленки – обнимет и читает ‘Евангелие для детей’. Слаще ничего не знала. Обронил как-то: ты, Фросенька, духа моего. И Господь пошлет тебе благодать по молитвенным слезам твоего отца.

Никогда его не предавала. Стояла за него горой, хотя б избиили до полусмерти. Знала: отец прав! Добрый и строгий. Лучащийся ласковый взор его потом долго был со мной. И когда обратилась, призывала его на молитве. Утешал’.

‘Встретила ли, матушка, в вечности отца своего Никифора?’

‘Встретила. Но встреча наша была недолгой. Ангел торопил меня. Обещала приходить к нему.

Из заключения писал. Неведомыми путями дошли несколько писем. Мать со стыда сгорала и прятала письма, как улики. А я в отца верила, любила и готова была одна вступить в брань с его врагами и растерзать их силой Божией:

– Отец праведный, не смейте на него клеветать!

Тихий был человек, сокрытый. Мало кто его понимал. И друзей не было. А правду Божию любил и жил по совести. И мне передал чистую веру и сердце’.

Как за отца своего Никифора стояла, так за Господом шла бы. Дошла бы до самой Голгофы и выстояла. Да еще варваров усостила бы. И плат, как Вероника, подала бы. И как Симеон, разделила бы крест. И с Иосифом поднялась бы на лестницу снять Сладчайшего с Креста. Вместе с Пречистой Матерью омыла бы Его слезами и святой водой из колодца.

Род матери иной. Не любила Евфросиния родственников по материнской линии, много зла претерпела от них. Сызмальства чувствовала себя брошенной и одинокой, изгоем семейным. Сестры больше в мать, и внешнею тоже. Нашкодят – ссылаются на ‘отцову’. Мать за ремень. Била нещадно. А ей жаль мать, оставшуюся с детьми без содержания, в нищете... Привыкла уже тогда отвечать мучителю состраданием. Никогда на мать не восставала. Видела крест.

С детства в ней пробудилось несокрушимое желание правды. Не терпела ложь ни в каких формах, от кого бы ни исходила, хотя бы от самых близких, учителей, наставников, кумиров. Ради правды была готова на смерть. Не шла ни на какие компромиссы, на дух не выносила лицемерия, обмана, человекоугодия. Никогда ни перед кем не пресмыкалась, не лебезила. Отличалась крайней независимостью, свободолюбием, а нрав имела кроткий и смиренный, сердце чуткое.

Первый суд

Нищенствовали. Никому не нужные, семья 'врага народа'. Фрося тянулась к молитве. Встанет в три часа ночи, радостно всплеснет руками и блаженствует. А старший брат бросает в голову ей камешки – для ребенка подлинное страдание. Другой брат тащит за волосы, тычет скрюченными пальцами в глаза. Так больно, что казалось, лучше умереть.

Мать постоянно срывается, сестры травят, брат ненавидит. Однажды забралась на печь, замерла и перестала дышать. Очнулась – льют на голову холодную воду.

Единственная – духа отцовского. Остальные в семье веру не приветствовали – да и запрещено властями. За молитву назначали на самую тяжелую работу: носить воду, готовить, стирать старшим братьям.

На Пасху не выдержала, пришла в храм – и полились слезы. Долго стояла на молитве, погрузившись в сладчайшее переживание, точно ангелы беседовали с ней.

Как заведено, кто-то из недобрых людей высмотрел ее. Донесли и рассказали в школе. Начался малый товарищеский суд. Распинали ее долго, несколько дней, разбирали и склоняли так и эдак. 'Будешь молиться – выгоним из школы!' Устыжали, усовещали.

Евфросиния вознегодовала, исполнившись праведным гневом, но сдержалась, ничего не отвечала. Долго думала, как быть. Бросить школу? Без образования нельзя. Память от природы имела необыкновенную и была лучшей ученицей в классе. Пришлось оставить церковь...

Впоследствии много раз жалела о том. Отец не приветствовал ее решения и дважды выпорол ремнем. И сама старица, вспоминая прошлое, говорила:

– Жаль, что всего два раза-то порол. Надо бы двадцать два!

Словесник

Личная жизнь сложилась безотраднo. Кое-как дотянула до седьмого класса, когда случилось происшествие, впоследствии вызвавшее у нее многослезное рыдание и покаяние.

Учитель-словесник под невинным предлогом проверить и наутро отнести ученические тетради пригласил ее домой. Евфросиния, ничего не подозревая, постучалась в дом. Открыл, тяжело запер за ней дверь, повесил пальто на крючок, зачерпнул кружку воды, выпил сам и заставил ее пригубить. Причаровал: влюбилась. Посмотрел на нее пронзительно и испытующе. Глаз боялась поднять, дрожала. Опутал. Попала в капкан и не могла выбраться из него. Сошлась с ним.

Годился суженый в отцы и нравом отличался тяжелейшим. Ушла из родительского дома. Жили впятером: она, учитель и трое его детей. Ревновал словесник Евфросинью даже к телеграфному столбу. Бил нещадно, напившись, каждый вечер. Домой приходила трепеща и вздрагивая при каждом звуке. Смирненно ухаживала за малыши его детьми, готовила пищу, а выйдя за калитку, стыдилась смотреть в глаза соседям – ходила опустив главу и уткнувшись глазами в землю.

Вскоре стала болеть. Сон совсем испортился, стал долгим, тяжелым. Поутру вставала с чугунной головой. От отчаяния пошли мысли о самоубийстве...

Вещий сон

В восемнадцать лет – сон: видит Христа во все небо и слышит сладчайший голос:

– Евфросиния, ты Меня забыла.

– Господи, – бросилась на колени, – как же я без Тебя? Господи... – стала в оцепенении, и слезы полились.

– Ты родилась счастливой, умной – и что с тобой стало? – взгляд Христа был укоряющий, суровый. – В годовой праздник жди смерти.

Утром встала смущенная. Никому ничего не открыла, но сон сочла вещим. Решилась отрясти прах – бросить сожителя своего. Видно, чаша наполнилась.

Стезю избрала горделивую и авторитарную – учительствовать. Кончила педагогический техникум и пошла работать в школу. О чем тогда можно было учить и говорить, в годы поголовного безбожия, массовых облав на священников, уничтожения церковей, кощунства над святынями и тысячами литров пролитой крови? О стройке смерти – Беломорканале? Случалось, что приходилось говорить против Бога и собственной совести... С раскаянием вспоминала учительский период, но приговаривала: ‘Господь теснился в моем сердце, как огонек в лампадке. Вера соединялась с памятью о мученике-отце’.

От несчастного сожительства со словесником прижила девочку. После откровения Христа во сне решила оставить проклятый дом и ушла с ребенком на руках, сирая, нищая и бездомная. Дочка умерла семи лет, и Евфросиния сильно горевала. До старости осталась в ней глубокая рана, и позднее каждую новую подвижницу любого возраста принимала в сердце как родную дочь, точно та могла заменить ей ту, единственную, в детстве умершую.

До двадцати восьми лет странничала, будучи учительницей. То в одну школу устроится, то в другую. Наставляет детишек в атеизме, а сама дрожит, как лист осиновый, и не знает, зачем в мир пришла... И снова ей державной силы голос: – Евфросиния! Опомнись! Пришло время твое. – На этот раз воочию, днем, во всю ширь неба, золотыми буквами скрижали горние.

Потрясенная, встала с коленок. Умилилась, възблаженствовала. С кем поделиться неизъяснимой радостью от бывшего ей откровения? Кругом – сплошная стена чуждости. Врачи, инженеры, сельская интеллигенция сталинской заправки. Засмеют в лучшем случае, в худшем – вознегодуют и заживо сгноят.

По вечерам, придя из школы, присядет на деревянный стул в уголке съемной комнатки и после проверки тетрадок перебирает в уме прошлое. Со стыдом вспоминает время своего сожительства с учителем, ночные его запои и крики ‘Убью! Убью!’ Как подходил к ней со страшным лицом, обхватывал руками горло и душил не то всерьез, не то пугал. Потом резко толкал, и

больно ударялась головой о деревянную скамью. Попала бы виском – и конец...

Но и эта страница жизни перелисталась быстро. Однажды ночью бывший муж пьяный дико ворвался в комнату и замахнулся ржавой железкой – метил прямо в голову. Евфросиния вскрикнула что есть мочи. Отозвалась директор школы, жившая неподалеку. Стали скликать добрых людей. Словесника крепко побили. Только тогда и оставил ее, перестал преследовать по пятам.

Осталась одна-одинешенька. Залилась слезами горькими: ‘Вера угасла. Огонек в сердце совсем ослабел и потух... Что делать? Как быть? В храм ходить перестала, молитву забыла, заветы отца предала..?’

Нахлынули тяжелейшие болезни одна за другой: ангины с осложнением на сердце, водянка, гипертония, щитовидка, почки, ревматизм с полиартритом. За несколько лет потеряла здоровье и поняла – долго не протянет. Начались адские мытарства по госпиталям, институтам, амбулаториям. Опухла от таблеток и уколов. В одну больницу возили 19 раз. Двадцать гниющих тел в комнате, грязь, вонь, тараканы, болезнь и смерть, зараза и нечистота. Никто никому не нужен, крики, стоны.

В клиниках провела в общей сложности тысячу дней – несколько лет жизни. От постоянно повышенного давления шла кровь из ушей, после чего лишалась последних сил и целыми днями сидела неподвижно, не в состоянии кивнуть головой. Приговор от всех: будешь умирать. Врачи уже списали ее из числа живых. Но, отличаясь

силой воли, Евфросиния отроду стояла твердо – и выживала.

Расторжение завета

При умножившихся скорбях шла в ней внутренняя работа. Прежде запуганная и затравленная, вдруг совершила противоправный поступок: не пошла на выборы. По тем временам (1947 год) дело кощунственное – вызов общественной морали. Сама осознавала впоследствии этот акт как подсознательный бунт против атеистических властей.

Общественность не преминула откликнуться. Кара, впрочем, оказалась мягкой для того времени: всего лишь отняли пенсию. Однако спустя три дня нагрянула милиция – три бравых курсанта находившейся неподалеку милицейской школы. Юные полицейские не нашли ничего лучшего, чем практиковаться на сиротке, точно на преступнице.

Ежедневно допрашивали. Мучили по несколько часов, унижали, обыскивали, задавали гнусные вопросы. Терпела, даже не плакала, только кровь из носа текла.

– Зачем не пришла на выборы? Кем был твой отец? Тоже из верующих? Знаем мы ваше племя! Коммунизм уничтожит Бога!

Как из рога изобилия сыпался шквал подозрений: шпионаж, работа на Троцкого, заговор против советской власти... Домой приходила избитая, едва живая. Бросится на кровать и засыпает намертво. После каждого допроса подолгу отлеживалась, не в силах подняться: тело ноет,

кости болят, кожа вздулась. И слышит, провалившись в сон:

– ЕВФРОСИНЯ, ВСПОМНИ ОБО МНЕ.

В бессонных ночах охватывало отчаяние: ‘Зачем жить? Если не Господь – кто?’

Никак не могла понять, что человек родом от обезьяны, чему должна была учиться в школе. Всё в ней противилось подобной гнусности. А болезнь тем временем подтачивала остаток здоровья и сил. От отчаяния попыталась ездить по бабкам-знахаркам. Стало еще хуже. Разве избраннице, которой от века предписан мученический удел, помогут деревенские ведуньи?

Так протянула до сорока пяти – беспросветно тяжело, скорбно, одиноко.

Власти между тем готовили дело о тунеядстве. Предполагалось посадить года на три. ‘Что, не работаешь по-прежнему? – Больная я... – Все больные, знаем!’

Совсем растерялась. Решила: в Таллин. Там знакомые – может быть, помогут... Нашла приют в каком-то сарае. Через худенькую перегородку – злые, голодные псы. Скиталась, побиралась, ела объедки. Простыла по дороге, и к прочим болезням прибавилась еще одна – щека распухла.

За нею уже охотились. Но посчастливилось попасть в больницу, а то щека так бы и лопнула.

Собались резать десну. Напрасно увещевала Евфросинюшка врачей: ‘Нельзя делать операцию с наскоку, нужно прежде снизить давление – у меня кровь пойдет ручьем!’ Кому какое дело, пусть идет. Умрешь – не ты первая, не ты последняя. Хотя протестовала, кричала, размахи-

вала руками, утром ее насильно прооперировали. Кровь хлынула струей. К восьми вечера потеряла сознание, гемоглобин упал до 18%. После операции три недели проходила как сомнамбула, держась за стенку.

Последние деньги ушли на лечение. Совсем запуталась, отчаялась. Ни ближних, ни гроша в кармане, и главное – ни смысла, ни пользы никому. Целыми днями ходит среди людей потерянная. Одно утешение – храм.

Сжалилась одна бедная старушка, Царство ей небесное. Поместила в сарай при доме. Клетушка на сей раз три на три, деревенская мазанка. Откормила ее хлебом, отпоила парным молоком. По праздникам фасоль с картошкой. Скучно, одиноко.

Одиноко. Иногда в минуты крайнего отчаянья вспоминала отца, его доброту, благоговейное чтение молитв. Сколько претерпел скорбей! Вспоминала его чудесные глаза, смирение, скорби, и заливалась слезами. Призывала: 'Папа! Где ты?' А душу относил куда-то в гулаговский чертог, где святой ее отец Никифор, царский офицер, расплачивался за неприязнь к советской власти, за нежелание поступиться совестью...

Неведомая сила все чаще выталкивала ее в храм. Встает в семь, прочтет молитвы – и на утреню в собор. Невидимо врачевалась в таинственных воздухах церкви. Сердце начинало биться ровно, боль в печени проходила, стихали раны нарывающие, здоровье поправлялось.

Ни одной храмовой службы не пропускала. На всенощных летала, на литургиях приобща-

лась божественных тайн. Духом возносилась в высокие сферы молитвенников, мучеников. Пробовала петь в храме – закрывалось сердце. Впяряет взор в Минеи во время службы – ничего не понимает. Не ее – чуждый дух.

Пыталась было ненадолго устроиться в школу, но уже не могла. Видно, расторгся завет, и ложь травмировала сердце.

Горячо желала исповедоваться Вышнему. И псалтырь влекла ее, как живая исповедальная тетрадь, как вышняя исповедальня, где Первосвященником Сам Бог Отец. Ее влекли последние глубины, за которыми жизнь непреходящая. Таинственные смыслы, ради которых душа приходит в мир и с ними открываются вечные врата покаяния, молитвы, плача о грехах.

Второй суд

А силы между тем на исходе. И где ночевать Евфросиньюшке нашей? Пока лежала в больнице, лишилась комнаты. Красный капитан, уполномоченный, уже трижды пригрозил отправить в лагерь, где известный удел – раствориться в ничто, прозябнуть костями. Бездомность по тем временам – великий грех. Беспаспортность – еще больший.

Евфросиньюшка пишет сорок девять (!) жалоб в Киев в ЦК партии, в правительство, в иностранные консульства. Письма передает со ‘случайными’ людьми...

Выследили, выловили и посадили в тюрьму как бродягу. Известное дело: блохи, бомжи, всякая нечисть. Ну, решила, здесь уж точно конец. Сама

себя приговорила. И получила вдруг укрепление свыше, прибавление сил. Исполнившись духом, встала и впервые начала горячо проповедовать в каталажке: о Господе, о кресте, о распятии. И слезы текут, и летает на проповеди. Те, кто в камере, вначале насторожились, но Евфросиньюшка покорила их своей искренностью, убежденностью:

– Давайте молиться, и Господь пошлет силы. Не теряйте надежды!

Понемногу один за другим стали молиться с ней вместе. Камеры тогда были переполнены. Какой стройный хор негромко затягивал ‘Богородице Дево’ в тех далеких 40-х красных годах! Вспомнишь ли ты о сем, Евфросиньюшка, перелистывая земное прошлое из царского твоего далека – Царства небесного? ‘Богородица Дева, радуйся...’ и ‘Отче наш...’

Тогда впервые почувствовала в себе призвание миссионера. Духовная сила ее воскрешала, болезни проходили. Обретала смысл. Бог действовал в ней. И прекрасные глаза отца благословляли, истаивая умиленными слезами...

Какой святой, скажите, в тогдашней совдепии без искусства милицейской камеры или психушки?

На суде прокурор в открытую без обиняков предлагает компромисс:

– Что тебе, Никифоровна, сидеть в камере с преступницами да молитвы читать? Видали мы таких. Поместим-ка тебя в дурлечебницу. Там тебя быстро заставят Бога забыть одной инъекцией.

– Как в психбольницу? Упрятать в психушку здорового человека? За что? – и разрыдалась

прямо на суде. Ее святая простота растрогала всех. Сердце открылось, как на исповеди, и поведала всю горькую историю своей жизни: об отце, об изверге-сожителе, о своих скитаниях, болезнях, одиночестве... В зале кругом плачут, утирают слезы. Охранники отворачиваются. Суд на мгновение куда-то переместился. Где они? Уж не в мытарской ли камере? Кто эта безумная, проповедующая им? Уж не она ли судит их, а не они ее?

Но облако Бога Саваофа и ангельские рыдания быстро отступают. Прокурор приходит в себя: сказывается земная защитная реакция. Совершается чудо. Еще полчаса назад вперявший в нее гневное око и упрямо требовавший срока, настаивает на том, чтобы освободить учительницу, а вместо нее... посадить секретаря ЦК!!!

– Безобразие! Не дают паспорта сироте, а потом еще за это сажают! Вопиющая несправедливость!

Суд Божий нашел на человеческий. Не испугалась ни срока, ни психбольницы. И кто? Спичка замокревшая, текущая по асфальтному ручейку к металлической решетке (отношение к человеку по тем временам). Прокурора вызвали по инстанциям. Красная власть забеспокоилась, рушились ее устои. А Евфросинюшка освобождается на второй день после Пасхи по распоряжению того же обвинителя.

Вышла из тюрьмы как из брачного чертога. На сердце легко, за плечами молитвенные крылья. Прибежала во Владимирский собор, пала перед распятием и разрыдалась, дав волю слезам. Один

Распятый мог прочесть, что творилось в ее сердце, сколько еще ей претерпеть скорбей, сколько принять язв ради Его любви. Господь шевельнулся на распятии и заглянул ей в сердце.

Старушка-ангел

Очнулась – перед ней добрая старушка-ангел в благочестиво повязанном платочке:

– Деточка, где ж так измучилась? Живого места на тебе нет. Личико какое бледное. Пойдем ко мне, я тебя травками отпою.

Дом доброй старушки оказался тайным церковным приютом для странников и верующих. Чертогом ИПЦ. Пять сестер подвизаются в молитве и ночном бдении. Из дома не выходят. Боятся доносов, дрожат при каждом стуке в дверь. С ними дрожат и ангелы, реющие здесь же. Бог хранит. Приняли в число своих – гонимая праведница. Удивились, что жива:

– Слышали мы о тебе. Дело твое прогремело на всю Украину. Думали: больная, не переживешь тюрьмы.

– Господь творит чудеса.

Перекрестились – и на поклоны.

Первый ее монастырь. Впервые увидела здесь плачущую икону. Как живая стояла Богородица на иконе и вторила ее молитвам... Испытала блаженство, какого не знала.

Амфилохий

В Почаев потянуло уже тогда. Ненароком от кого-то услышала: вторая святыня после Иерусалима. Мощи святых.

‘Амфилохий облек старицу в духовную броню, сам в нее облеченный от старцев афонских’.

В поезде разговорилась со странницей. Белая косынка, в руках кошелки: подарки батюшкам. Держит путь к схиигумену Амфилохию – косто-праву, целителю, прозорливцу. Изгнан из обители, подвизается в 20 км от Почаева, в Иловицах. Как услышала имя Амфилохия, сердце забилось. Поняла – ее! Спутница холодно среагировала на предложение ехать вместе. Но Евфросиния от нее ни на шаг..

Старец встретил приветливо. Уделил место в доме одной из чад и назначил послушание: творить псалтырь во время приема им посетителей.

Благодать сошла неслыханная. Впервые пере-жила на себе силу благословения святого старца. Ежедневные чудеса исцеления, изгнание бесов, тайны невидимого мира, война с телевизионны-ми духами, с милицией. Амфилохий на ее глазах приказывает бесам молчать и, как Бог Творец, заживляет сломанные косточки больным. Сте-каются к нему со всей России. Приемный день у старца с четырех утра до десяти вечера. Притом псалтырь читается непрерывно: брань великая.

Тут Евфросиньюшка познала силу огненного столпа и выходить из него уже не могла. Пост, бдения, наставления в духе. Увидела впервые церковный армагеддон – внутрехрамовую тяжбу между подвижниками истинного духа и антихристового, пожалуй еще более тяжкую, чем вне стен монастырских, между атеистами и верующими.

Дух Святой в образе белого голубя

Однажды двадцать амфилохиевских сестер стояли на коленках недалеко от речки и молились. Амфилохий впереди. Внезапно стая белых голубей появилась над ними: то ли голуби Амфилохия⁴, то ли другие, с неба. Один сел прямо на спинку Евфросинии. Сел – и как бы прилип. Матушка поклончик – и он с ней на спинке. Матушка выпрямляет спинку – и голубок не отстает! Затем воспарил и вошел в нее видимо... Стяжала Духа Святого!!!

По словам матушки, ее осияло облако света, вошла полнота Духа. *Пережила Христа изнутри*. Белый голубь, Дух Всеблагий, реял во внутреннем крыльями, осеняя свыше все ее существо. Матушка на глазах исполнялась благодати и преображалась. Это была уже другая Евфросиния, чем пять минут тому назад. Великое чудо, достойное внимания всего человечества! Чудо большее, чем воскресение из мертвых!

В душевной простоте поспешила поделиться радостью со старцем: 'Духа Святого стяжала! Го-

⁴ Старец держал голубятню. – Авт.

любь опустился на молитве!’ Тот в ответ отходил ее палкой по спине до черных синяков, так что подняться не могла.

До последних дней оставалась верным чадом Амфилохия, хотя отступила от многих его устоев. Читала его как великого святого. Голубица трепетная, простила Амфилохия за избивание. Когда в 1970-м призвал его Господь, заливалась слезами на его могилке, приводила под благословение на монашеское кладбище, где мощи старца. Старец благословлял из гроба.

В Иловицах прошла духовную школу. Любовь к скорбям, смиренное несение креста – ключ к святости. Наставлялась у каждой сестры (их около 50) чему могла. От одной брала силу поклонов, от другой – премудрость в разумении евангелия...

Были среди послушниц Амфилохия кающиеся ведьмы, бесноватые, чахоточные. Стойкие молитвенницы перемежались со случайными странницами, приехавшими ради исцеления. Из Львовского дивизиона тайком прибыли три солдата. Просят, чтобы батюшка принял: демоны в них. Из Тернополя посетитель просит молитв о жене. Ночью в кельях монашеских худые котомки под головами подслеповатых старух. Евфросиния терпела, как могла. И когда завершился ее восемнадцатичасовой рабочий день, продолжала творить псалтырь: не слазит ли какая окаянная во время сна ночного?

Полюбила источник на Святой Горке. После омовения тело становится легким. И на поклонах летает. Хлещет сотнями перед иконкой или

просто, глядя на восток, во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Праведному нельзя без скорбей и слез. Отошли болезни – подступили демоны. Терзали и томили ее, избивали насмерть. Не находила себе места среди послушниц Амфилохия. С кем-то разругалась, от кого-то болью щемит сердце. Из Иловиц тропинка в Почаев. Оттуда – опять в ноги к Амфилохию. Но уже не в послушании дело, а воля Божия исполняется. И когда невольно стало (душила темная сила), пала в ноги к старцу и испросила благословения пойти в неподалеку расположенный Корецкий монастырь.

Амфилохий не возражал, лично проводил. С собой взяла просфору и святую воду. Шла из Иловиц, как по огненному морю. Опять одна, но уже опытная молитвенница. Амфилохийев столп перед нею. Шла от старца... чтобы стать еще ближе к нему. В Иловицах молилась в его келье – учителя от ученицы разделяла худенькая стена деревенской избы. Теперь и ее не будет. Святые уходят один от другого, чтобы еще теснее соединиться.

Несколько лет спустя

Подвижничает самостоятельно, в подражание Амфилохию. Схиигумен помнит о бывшей послушнице. Посылает за ней из Иловиц, где живет по-прежнему. Обещает назначить игуменьей в ризнице тайного монастыря. Матушка радуется: под крыло к великому святому. Столько чад наставляет!

Пятичасовой электричкой, не спавши ночь, прилетела в Иловицы. Но в реальности – не как в

причесанных житиях, где святые кланяются один другому и блаженно беседуют: Павел Фивейский с Антонием Великим... Шепнула нечистая сила Амфилохию на ум – настроили против матушки. Поколотил ее палкой, когда пришла.

Тем и закончилось внешнее игуменство. Как монахиню прогнали из монастыря, как игуменью побили в Иловицах. Зато как схимницу почтили всей Церковью Торжествующей.

За трапезой Амфилохий (прощения просить не принято, старец всегда прав) смягчился:

– Евфросиния, тебе дан талант молиться за весь мир. Зачем тебе я? Ступай. – Отпустил, ласково напутствуя: – Простофилюшка, иди, иди. А что отдубасил – к лучшему, во смирение. От отца не грех принять и наказание.

Корецкий монастырь

Что сулит ей Корецкая обитель с матушкой-наставницей Глаза-Навыкате, почитательницей трудов Сергия Страгородского? Евфросиния, живая правда и трепет, куда тебя несет, святая старица? Тебе ли тут ужиться?

Красный Корецкий монастырь встретил ее враждебно. Смотрели с подозрением на все из рамок выходящее. Мать-игуменья, радетьница институционального богословия, настороженно оглядела чадо Амфилохия (репутация у старца в церковных кругах неоднозначна). Назначила послушания из самых тяжелых.

У бедняжки брызнули слезы из глаз. Так жаждала молиться! Не могла ни часа без молитвы. По наивности полагала: в женских монастырях

одни ангелы-молитвенницы, а Корецкий – олицетворенная псалтырь из ста пятидесяти келий-псалмов. Не тут-то было. Натаскает пятьдесят ведер в день – и опять пошли болезни.

Как желала душа упокоиться с сестрами, обрести семью! Не вышло. У Амфилохия привыкла засыпать в десять; в двенадцать на молитву. Не так в Корецкой. Мать-игуменья ночное бдение запрещает. Монахиням – сон от дневных трудов. Бдение считалось вроде преступления. Дневные послушания: колоть дрова, носить уголь, воду десятками ведер в день, пасти коров, косить траву. По ночам монашки спали как убитые. У Евфросиньюшки, с ее обостренным слухом храп вызывал страх (демон ревет).

При чтении евангелия на Страстях Господних слышит голос:

– ТАК ЧИТАЙ ЕЖЕДНЕВНО.

Ночью стук в дверь. На пороге игуменья:

– Что не спишь? Разве мало храмовой молитвы? Сейчас же спать!

– Простите, матушка, простите меня грешную, Господь велит молиться.

– Господь велит спать! – яро хлопнула дверью.

Не получилось из Евфросинии монахини традиционной. Вышла монахиня в миру.

Евангелие Страстей

После ночного объяснения игуменья ее возненавидела. Прогнали из Корецкой. Села на дальний поезд в Жировицы, в Белоруссию.

Настоятельница выслушала благосклонно. Благословила подвизаться не в самой обители, а в

деревне поодаль. Евфросиньюшка руками от радости всплеснула: Прекрасно! И с обителью связана, и свободна. Ночью за любимую псалтырь – и снова брань. Демоны ввергают в сон, отнимают молитву. Но счастливее часов, чем за псалтырью, не знает. После псалтырного меда и диалога с Богом человеческое кажется жалкой трескотней. Подальше бы от брэнного в псалтырный вечный мир.

С тех пор не расстаётся с Евангелием Страстей. Еженощно входит в скинию распятого Агнца. Непрестанный умиленный плач. Распятый за наши грехи принимает ее в свои крестные объятия. Как бы тяжело ни сложился день – перед сном Евангелие Страстей. Ее жизнь постепенно уподобляется страстному Христову Евангелию.

Одна в лесном доме. Но какой мир в сердце! Птички щебечут, солнышко проглядывает. Сквозь солнце псалтырь лучится на плохоньком столе, и свечка чудодейственно не затухает. В ночи – молитва вышнеиерусалимская с пением ангелов. Господи, сколько ближних, если крест в руке! Сколько небожителей тебя сопровождает, сладчайших собеседников обретается! Их молитвенный остров дороже, чем Жировицы или Таллин...

Домишко маленький, но уютный. На стенах кругом иконы, в том числе и старинные; лампадки, свечи – что еще? И пищи много: сухари, хлеб. Колодец. Верующему достаточно: молись, радуйся и плоть смирай. Евфросиньюшка на небесах! Упокоилась в молитве.

Однажды поздно вечером стук в дверь. Рез-

кие удары сапогами: 'Открой, открой!' Кто-то с яростью рвет дверь с петель. Человек, демон? Вскрикнула к Божией Матери, к архангелу Михаилу – звук прекратился.

Утром – в монастырский храм. Демоны сдавили горло, сердце – ни вздохнуть, ни крикнуть. Отнялось дыхание. Прошла метров четыреста и упала в грязь бездыханная. Едва шевелила губами, призывая на помощь архангела Михаила. Явились рати ангельские и изгнали прочь одержавших.

Тряс лукавый ковчег ее молитвы, но ничего не мог с ней сделать. Амфилохий облек старицу в неведомую миру броню, сам в нее облеченный от старцев афонских и Пресвятой Девой лично покрываемый.

Можно и в миру монашествовать. И слаще удела юродивого нет. Таким – Евангелие Страстей в руки! Пасхальная яичная скорлупа благоухает, как засушенная роза. И от постеленных на полу старых одеял веет теплотой святых. Одно спасение в веке сем – непрестанно ходить в Духе Святом. Тогда и на брань дастся укрепление, и ожесточение к ближнему сменится любовью, и подастся плач: 'Червь я, прах, хуже всех, страшнейший из преступников...'

Стала привыкать к странничеству. Ни на одном месте не засиживается: на ее молитву восстает преисподняя. Из Почаева во Львов, из Львова в Киев, из Киева – в Печеры... Или по маршруту: Кривой Рог – Запорожье – Днепропетровск и обратно в лавру. Надолго Почаев не покидала никогда.

*

Где-то на Афоне молитвы при свечах, где-нибудь в Бельгии профессионально песнословят бенедиктинцы... А столп евфросиньиной молитвы восходит к самому Отцу Небесному.

С ней – всегда рай, хотя бы в околоток взяли. И пререкаются с подполковником милиции, и если прогонят в шею, и три дня поститься – рай. От других подвижников несло дремучей скукой, бездарной герметичностью, тлетворной спертостью – Евфросиньюшка летала и благоухала. Чего ни коснется – оживает. Святая Горка становится небесною горою. И ночь пролетает незаметно в молитвенном блаженстве.

Сила от нее исходила, как от пророка. Не понята даже ближними... Я один не оставался равнодушным – наследовал ее видение, оценки, отношения. Ее очами молишься – и Евфросинья на лампадка в сердце тлеет теплым фитильком.

Матушка зовет – слышу за тысячи километров, где бы ни находился. Ее молитва призывает – к ее ручкам, встретиться с ней взглядом, под лучистым нежным взглядом омыться от греховной тяжести. И как особенно в молитвенной ночи, во стольном горне Иерусалиме, зазвучит:

– Господи, яко чудно имя Твое по всей земли, яко взятыя великолепие Твое превыше небес.

Откуда взялась такая? С неба сошла и спит на престоле из закапанной воском клеенки, чтобы предстоять в вечности преблагоуханному престолу.

ГОНИМАЯ СТРАННИЦА

Под сенью лаврских ангелов

В первые годы матушку встречали в Почаеве ласково. Тогдашний божий наместник архимандрит Иаков с лицом первоапостола благословил ей – не монахине, не послушнице даже! – построить маленькую кельюшку близ Троицкого собора. Если бы не авторитет старца, монахи восстали бы. Не было такого, чтобы на территории лавры строили домик-келью для странницы. А отец архимандрит после ночной молитвы по внушению Владычицы Небесной воздал должное Христовой дочери – Евфросинии.

Двое послушников выбрали небольшое пространство между каменным сараем и храмом и забили несколько досок, крышу наспех покрыли черепицей. А дальше строить будет Евангелие с Псалтырью, да кропить вода святая. Положила на сырую землю одеяло, присланное чадами. Из магазина принесла овощной ящик, покрыла белой скатертью, наверх – иконки да свечи. И потекла молитва. Лаврские ангелы к ночи перемещаются в ее славную кельюшку близ Троицкого собора. И сам отец архимандрит, похожий на апостола, просит у нее молитв и часто посещает, жалуясь на нерадивость монахов...

Приложится Евфросиния к останкам мощей святых в Успенском соборе, выстоит в толпе паломников поклониться Почаевской Чудотворной, побеседует со странниками. Здесь же встретится чадо – о радость!

Но сколько врагов у святого, Боже! Лаврские ‘крутые’ дрожали от ее появления. Иосифлянские пародийные монахи слетались на ее проповедь как коршуны. Ведьмы приговаривали ее к смерти. Уполномоченные искали засадить в психушку... Псалтырь хранила. Зарядит псалом 74-го калибра (походная артиллерия), и ангел стоит с огненным мечом.

У матушки была не жизнь и смерть в привычном смысле – скорее нечто между крестом и воскресением. Господь вел ее по непостижимой лестнице к вечному блаженству.

Были и срывы. Как-то сильно впала в осуждение. Недовольство отсутствием ревности у священников достигло крайней степени ожесточения. Брань усилилась. Демоны реяли над нею тучами и били, словно из гаубиц – полагала себя живой их мишенью. На невидимом поле сражения не помогала ни псалтырь, ни Киприанова молитва, излюбленная ею: не было щита!

Поехала на исповедь к о.Георгию ‘со Святым Духом’ (наивысшая похвала монаху в устах старицы), и тот открыл причину непосильного креста: осуждение ближних. Вразумилась, и с тех пор вела борьбу с помыслами, сдерживала уста. И если ее искушали сказать нечто критическое о ближнем, помолчит с минуту и – ‘Спаси его Господь’.

Репутация бунтовщицы и святоши

Гонения были в основном со стороны церковников. То туповатый архимандрит Севериан выворачивает руки и прогоняет прочь, то сбрасывает с лестницы. Матушка катится по ступенькам, потеряв сознание, а выражение лица радостное и блаженное... То мучают ее при всем честном народе, при верующих, и говорят: 'Посмотрите, как страдает бес!' – а Евфросинюшка рыдает, и ей все сочувствуют. Убить искали не раз. Подсылали подкупленных. Угрожали и ходили по пятам. Молитва спасала – ничего не могли сделать. Трое каялись потом и обратились в веру.

Псалтырь хранила, как сама Матерь Божия. К скорбям привыкла. Как могла, терпела. Понимала: благодать при них бóльшая, чем если бы вела жизнь спокойную, послушническую.

С ниспосылаемыми скорбями и умноженным крестом начали твориться чудеса. Птицы слетались слушать ее молитву, и матушка, подобно ее наставнику Амфилохию, беседовала с ними. Однажды ночью после молитвы в храме поднялась и шла по воздуху до монашеского кладбища. Демоны ревели во всех домах. Хозяйки выбегали, лили под ноги помои. Хватались за косу. В три ночи вдруг начинают косить, рубить дрова. Сколько раз еще переносилась по воздухам! Ангел вел ее, и благополучно миновала поле искушений.

Часами повествовала о чудесах. Как натравил на нее цепную собаку сторож при храме – и не тронула. Как по воздухам переносилась к родственникам, что усовещали ее. 'Не хотите прини-

мать какая есть? Не веруете во Господа? Познай-те гнев его!’ – и вернулась.

‘Замолившаяся’

У Евфросинии сложилась стойкая репутация бунтовщицы и святоши. ‘Замолившаяся, еретичка, фарисейка’. Монастыри связаны между собой, игуменьи переписываются, делятся рассказами о странниках, путешествующих от одной обители в другую. Нигде не положено молиться по ночам, никто не желает принимать ее огненного бескомпромиссного нрава, близости ко Христу и Божией Матери. Особый избраннический дух, пребывающий на Евфросинии, отталкивает мертворожденных.

Обычным монашкам непонятно, как можно день и ночь, ликуя, как при Воскресении Христовом, служить Живому Богу. Везде ее принуждают ко мнимому послушанию, тяжелым работам по бытовому устройству. Вдохновение и пламенность ее веры раздражают, настораживают, заставляя подозревать неладное.

Пророки для обывателей церковных существуют только на иконах и в книгах. Придет живой – анафема. Какое жуткое заанафематствованное пространство! Как неоднозначна церковная среда! На одном пяточке Почаевской лавры – и восемь колдунов, и мощи, и юридивые. Здесь ‘всадить’ могут так, что упадешь замертво. А может, и исцелишься...

Евфросиньюшка – как живая кадила. Без нее лавра мертва как заброшенная пустынь. С нею сияют и просфорки, и мощи, и старушки.

‘Бог прославил старицу так, как не прославлял ни одного подвижника в XX веке’.

Жизнь цветет, как в райском саду. Священники кажутся иными. Службы – вечными. Что так? Евфросиния рядом!!

А теперь – в Царствии. Здесь, на земле, из подземной котельной бросали на нее горячими углями. Лаяли псы с огненными языками, слышались крики терзаемых жертв. Зато никто не мог погасить молитвенной лампадки в сердце. Как зажглась, так и горела тридцать лет днем и ночью.

Побывала в Троице-Сергиевой лавре. Чужая – никто не услышал, кроме преподобного Сергия: послал великую благодать у раки. Куда двинуться, где провести ночь? Паспорта нет. В храм! Пришла к шести утра. Калитка на запоре. Расстелила старую скатерть и прямо на траве поклонилась...

Под снегами омофорными

Так и странствовала годами – без дома, без ночлега, без гроша в кармане, без пищи, без ближних – одна-одинешенька, со Христом и Приснодевой. Оглянется кругом – никого, а вдали храм. Подойдет: церковь Иоанна Крестителя, действующая, обшарпанная. Заберется в подвал, лишь бы вычитать вечерние молитовки и положить поклоны Ангелу-хранителю: ‘Ангел святой, разбуди меня ночью на молитву!’ – и прикорнет сидя. А рядом – грязная лестница, лопата, колесо от подводды, лужи на полу...

Шаги. Боже мой, и здесь нет покоя? Промокшая, на цементном полу, и тут достают! Кто-то пришел, окликнул и прогнал ее. Неподалеку – школа. Перелезла полуметровый забор и забралась в сарай с углем. Тут новая беда – ни свечку, ни лампадку зажечь нет возможности: сгорит амбар. Во тьме обрисовался деревянный щит. Вытащила из сумки иконки, псалтырь – и на поклоны. И стало тепло и благодатно в сердце: помолилась и утешилась.

В два ночи пошла в монастырский храм, босая, с песнопением. По дороге запуталась и заблудилась. Залезла в колючий кустарник, там помолилась и уснула... И так чуть ли не каждый день.

Февраль. Снегу намело по пояс. Зима холодная. Минус двадцать пять. Евфросиньюшка по-прежнему одна с запаленным огнем Святого Духа, с пламенной псалтырью. Свеча в сердце не затухает – ее теплотою и согревается.

В который раз ее заживо похоронили. Кто-то стучится: ‘Эй, ты жива? Открой!’ Приходили с

ржавыми лопатами, разгребали снег. Под тремя одеялами, под тремя снегами омофорными, под тремя крылами стоит на коленях с простертыми руками и беседует с ангелами. Стучали, пока не сломали дверь в ее 'собачью конуру' (подобает ли псу Божию, рабе Христовой, нечто большее?)...

Сфера псалтырных чудотворений

‘Смеркается, а до сих пор псалтырь не читана...’ Побежала в лес. В сумерках светит луна, снег по колено. Сидит на стульчике, читает блаженно. И опять страхование: стук топора. Кто-то рубит дрова? Кому это в голову придет на таком морозе дрова рубить! Ужас сковал шею, не в силах голову поднять... Да и время поджимает – скоро вечерня, а она псалтырь не дочитала, совесть мучит.

Постучал этот неведомый и исчез. Евфросинюшка дочитала псалтырь – и глазам своим не поверила: пред нею возникает двухметровый крест! Кто это вырубил его? Да так искусно... Возрадовалась, воздела взор на небо, помолилась и пошла в храм. По дороге думала все о Христе: ‘Христос распят – поныне, по сей день! Весь мир – кресты сплошные, кладбище вселенское. В каждом распят Христос. Сколько скорби кругом, сколько слез...’

Тяжела молитва в миру. Избивают демоны, бьет родовой поток. А для Евфросинии нет большей радости, чем славить Божию Матерь, произнося Ее имя вслух непрестанно! С каким восторгом говорит о псалтыри! Души тех, кого поминает, ограждаются и восхищаются.

Как-то облюбовала уголок кладбищенский и молится. Вдруг хлынул дождь. Что Евфросиньюшка? – Закричала к Царице Небесной: ‘Закрой небо! Мне нужно молиться! Книжки станут мокрые, как по ним читать?’ Ливень прекратился. До трех утра молилась, потом прикорнула под кустиком...

И так восемь лет подряд. Ночует то в саду монашеском, то в диком лесу, то на стадионе, то на кладбище – и ни разу не намочила. Начнется дождь – вскрикнет к Пречистой, и небо закроется по ее молитве. Но кресты у святого умножаются день ото дня по мере умножения дарованной благодати...

‘Не собьют меня с молитвы!’

Реакция на Евфросинию в монастыре была духовной, едва ли не гротескно-фантастической. Тайная молитва матушки приводила в действие невидимый мир, и вокруг начинало твориться нечто невообразимое: гремела посуда, ходуном ходили бессонные тени, выползали невесть откуда упыри, и печная кочерга вонзалась в землю.

Кончила читать псалтырь и прикорнула сидя прямо на полу, подложив старое рваное одеяльце. Выбегают двенадцать монашек с лопатами и начинают перекидывать уголь с места на место. Такое не приснится и в кошмарном сне. Работа совершенно бессмысленная: в 12 ночи бросать уголь, причем не в печь, а с места на место, поднимая адскую пыль, кашляя и задыхаясь! Евфросиньюшка держится крепко: ‘Не собьют меня с молитвы!’ – и стоит как в огненном столпе. Но

когда одна, совсем обезумевшая, подскочила к ней и, держа на лопате раскаленные угли, бросила чуть ли не в лицо (хорошо, отвернулась в последний момент!), старица сдалась. Видно, мера исполнилась. Взяла походную сумку и глубокой ночью покинула стены обители.

Неподалеку парк. Свежо, тепло, легко. Над скамейкою светят два тусклых фонаря. Зажгла прихваченную с собой свечку, пламя прикрыла рукой, чтобы ветер не задул, и – закончить обязательную молитву, иначе совесть заснуть не даст.

Сон короткий, легкий под кустом. Утром бежит в храм. А монашки одна за другой просят у нее прощения. Каждая ищет подарить кто просфору, кто книжицу, кто платочек... Великодушная матушка ни на кого не держит зла, всем прощает, а у самой – слезы на глазах.

Сколько таких монастырей объездила! Не менее пяти. Страница земная, сирота гонимая, свободу в Духе ценила превыше всего.

Проповедь в Кременце

Кременец. Зной +40. Железные крыши двухэтажных глиняных мазанок накалены как сковородки. Матушка проповедует на автовокзале. Кругом – враги в прямом смысле. Начальник автостанции разве что бомбардировщик не вызвал на ненавистную ему старушенцию. Его коробит от одного только:

– Люди! вспомните о Господе! Как вы живете?! Чем занимаетесь?!

Аудитория – бабулька с двумя кошелками в ожидании автобуса, две цыганки и трое цыганят –

рыдает в три ручья. К цыганам у Евфросиньюшки особое отношение. С ее точки зрения, божие племя. Переживают Христа, как она – живым, гонимым странником. Перестают бессмысленно слоняться по вокзалу, воровато шарить глазами и лукавить с пассажирами. Проповедница затрагивает в них глубинные струны. Билли Грэм по сравнению с ней – американская маска ку-клукс-клана.

– Последние времена! Держитесь крепко веры Христовой и не отступайте, как бы ни было тяжело. Святые скоро сойдут с неба.

Ей был дан жезл Моисеев открывать небо на кременчугском вокзале, в кременецкой хатке, на паперти Успенского собора, в милиции, куда ее взяли как беспаспортницу (нашли предлог). Не принято православным возвещать истину вне храма, да еще в силу пророка Иезекииля, да еще пересказывать откровение Бога Отца, да еще грозить наказаниями грешникам и призывать к святости. Кто отсылает к идеалам коммуным, кто – к мерилам батюшкиных храмов. А от нее одно мерило – крест!

И здесь же истово знаменуется, расстелит хуленькое одеяльце и хлещет поклончики. Хотели б подойти и раздавить как насекомое – приблизиться не могут. Пять фашистских дивизий, помноженных на армию маршала Жукова, не раздавили бы ее – такова сила Доброго Отца и его десницы. Шатер Бога Вышнего.

Сколько окон распахнулось! Сколько небесных миров ей было открыто! 'Если бы вы знали, что мне открыто! Если бы следовали, чему учу. Если бы делали, как я говорю...'

Пасха в тюрьме

Великий пост. Меню кременецкой тюрьмы – рыба на свином жире. Забьется в угол камеры – на хлебе и воде. Тюремное начальство забеспокоилось:

- С голоду умрешь.
- Ничего не будет мне. Идите.
- Ты хотя бы сахару взяла.

Истощенная от голода, в зловонии и грязи – блаженствовала. А за оконной решеткой – весна. И за шестидесятисантиметровой каменной тюремной стеной – пение птиц.

Настала Пасха. По-прежнему на хлебе и воде. Начальнику нейдет. Пригляделся к ней, зауважал, видя ее положительное воздействие на заключенных.

- Как вам? – вежливо.
- Плохо. Разговеться нечем. Ни пасхи, ни освященных яиц.

Начальник едва не онемел от потрясения. О чем размышляет в тюрьме неказистая с виду старушка? О святой воде и пасхальном яйце! Из какого мира пришла она? Конспиративно вызвал в кабинет:

- Не выходите вы у меня из головы. Сейчас ко мне поедем. Жена в доме запасла пасху и яйца. Забирайте с собой книжки и иконы.
- А они как? Что скажут?
- Скажу: кладут в больницу.

Евфросиньяна пустынь

Как-то открыла псалтырь в пещерном храме преподобного Иова, и гулко заговорили тверди.

Молящиеся испугались: думали, землетрясение. Выбежали вон. Напряжение снялось, и мощи Иова заблагоухали.

Чем ближе ангельский мир, тем дальше человеческий. Почаев превращался в знойную пустыню. По ту сторону в тартарары летели кликуши, ведьмы, рыжие пономари, юродивые, держиморды, вышибалы, старосты, уполномоченные, стукачи, серебряные чаши, зычные голоса... В ночной молитве вкушала мирро. И чем жертвенней – тем более одиноко. И чем милосердней – тем ожесточенней ближние.

Ходячие мощи, сила Вышнего; водимая всегда, видящая, с заплаканными херувимскими глазами, непобедимая – хотя и теснимая сатаной как никто и избиваемая им насмерть.

Кто на поезде, кто на самолете, а кто и прямо на помеле спешил к ночному акафисту в Троицком соборе, а потом на теплое одеяло близ матушки Евфросинии опускался, чтобы старица победила злого духа псалтырью и помогла несчастной жертве, мающейся во вселенной.

Враг не имел для нее никакой силы. Ни на минуту никогда не сомневалась, что лишен власти. Побеждала единственно крепостью 'Кто яко Бог?'

Дьявол был ее врагом и побеждала его тем, что отрицала вообще. Заключала мужество Ильи и Эноха, самых непобедимых армий мира. Если во время боя отрубят голову – встань и с отрубленной головой иди на врага. Как Меркурий в историческом сказании: убив татарского хана, вернулся к своим с отрубленной головой, неся ее в руках.

Блаженная беспаспортница

Фамилия у нее Никифорова и отчество – Никифоровна. Отец, зэк соловецкий, канул где-то в болотах Гулага, в числе расстрельных зэков в 39-м... Обожала матушка своего отца, и по его благословиению стала беспаспортницей.

До 50-ти, пока мытарилась из одной больницы в другую, страдая, по ее словам, всеми возможными болезнями, ходила с паспортом. А в 50 лет, придя в Почаевскую лавру, паспорт выбросила в канализационную трубу.

Представьте, какая шла охота на беспаспортников со стороны уполномоченных! ‘Антисоциальное явление’. Не поймешь, чего ждать от него. Следов не найти.

На земле адреса у нее не было. Евфросинии Никифоровой, в Почаев, до востребования. Попадет на стол к уполномоченному по делам религии... Беспаспортница – заведомая бездомница, без прописки, без семьи, без работы, без пенсии. Иначе, полное выпадение из порядка мира. Без личности, без прав. Не может ни письмо по почте получить, ни деньги. Без документов в бюрократическом современном государстве – никто. С тобой можно сделать что угодно: упрятать в околоток, изнасиловать, убить, уничтожить – никто не ответит. Никаких о тебе данных. Абсолютное безмолвие. Нет человека...

И великолепно! Какой замечательный способ отречься от трехмерной реальности, запечатленной в паспортных данных с потенциальной печатью ббб! Как это особенно важно сегодня, когда

делают электронные паспорта и проставляют печати!

Беспаспортницами были и другие старицы. Помимо Евфросиньюшки, я встречал и таких, как почаевская матушка Ева, схимонахиня Анна... Христы и богородицы богомильские с XVI века ходили без документов. Был беспаспортником последний великий русский старец – Николай Гурьянов. (Многих чад своих посылал он к отцу Иоанну, когда к нему обращались, и говорил: ‘Отец Иоанн – единственный, кто на земле сегодня знает путь’. И приходили к нам многие от него).

Катакомбная церковь, с которой я тогда столкнулся – негласная беспаспортница. ИПЦ состояла исключительно из беспаспортников, БЛАЖЕННЫХ. На них пребывала благодать, которой на паспортниках не было – особая благодать выданного им *небесного документа*, по которому могли пройти в Царствие Всевышнего нашего...

Впрочем, что говорить о катакомбниках! Сама Матерь Божия была беспаспортницей на Соловьинной горе. Не было у Нее ни документов, ни прописки. Полностью не от мира сего. А каковы преимущества? *Лукавый не мог достать*.

Говорю так много о беспаспортности, поскольку грядут времена возможного чипирования. Важно заранее отказаться от менталитета подконтрольной овечки и существа технократически зависимого, с которым можно сделать что угодно.

Блаженства гонимых и юродивых

Людям мира страстная жизнь кажется отталкивающей, непонятной. Так же отталкивает их и

крест. Между тем, жизнь такая – самая блаженная и прекрасная. Спросите гонимую беспаспортницу, ‘замолившуюся сектантку’ святую Евфросинию: поменяла бы свой удел на архиерея РПЦ или члена ЦК КПСС? Даже отвечать бы не стала.

Ценность ее жития – в блаженстве, заключающемся между строк, сквозящем за каждым словом. Зачем, собственно, ей было получать ломом по голове или терпеть, чтобы выливали на нее помои, били кулаками в живот, травили собаками, угрожали в каталажке? Затем, что велики были блаженства, окупающие эти скорби!

Евфросиньюшка жила по заповедям Христа. ‘Блаженны нищие духом’ – нищенствовала. ‘Блаженны плачущие’ – плакала. ‘Блаженны чистые сердцем’ – была чиста и невинна, простофилюшка. На вопрос послушницы Марии, как спастись от блуда, пожимала плечами: ‘Блуд? Не понимаю, что ты имеешь в виду’. Искренне недоумевала, такова была высота ее девства. ‘Блаженны миротворцы’ – всегда смирялась, ни на кого не восставала.

Но выше всех блаженств, возможных и при фарисейском усредненном благочестии, ставила блаженство гонимых. И еще выше – блаженство юродивых, тех, кому открыт духовный мир и его несовместимость с падшим сим.

Венец за крест

Страшной тайной была пронзена святая старица: МИР ВЕСЬ ЛЕЖИТ ВО ЗЛЕ. Тысячи демонов ходят с верующими, и тысячи тысяч – с остальными!

Господь, открыв ей эту великую тайну от Соловецкой Второй Голгофы, дал ей и укрепление на крест, который понести могла она одна. И не для того, чтобы осуждала или гордилась. Евфросиния *не видела грехов*. Ей были открыты такие духовные феномены, как *степень познания зла* и *глубина заключенного завета с дьяволом*, тяжесть греховной чаши и способы ее вымаливания.

Не было ни одного подвижника в православии, по крайней мере последних веков, который бы с подобным старческим трезвением учил и видел ближнего!

Плоды от ее старческого видения всегда были налицо. Измученная от окружающих демонизированных калек, полуспятивших священников, профессоров, артистов, Евфросиния творила одно за другим чудеса. Ее молитва была чудотворной. Любимейшая фраза при встрече после длительной разлуки с чадом: 'Ну как, чувствовал мою молитву? Помогла?' Знала ее действие. Как духовный врач видела самый характер протекания болезни, прозревала злых духов, одержавших человека. Могла на глаз определить греховную чашу и имела власть силой псалтырной молитвы и данных ей ключей исцелить.

Ее житие либо наводит страх и ужас, либо потрясает последней правдой о том, сколько зла в мире. Как весь человек в своей падшести настроен против молитвы и святости. Как весь он в своем оскверненном существе гонит Святого Духа и бежит, словно зверь, в западню сатанину. Как весь состоит из сплошной скверны и яда, не подозревая о том... По грехам человека страда-

ет и животный мир. Демоны входят в собак и кошек, и те 'работают', 'сажают', 'убивают', усыпляют... Такие страшные тайны были открыты Евфросинии.

Ее молитвенная и аскетическая ревность не имела ничего общего с иосифлянкой жесткостью или традиционными уставами типа ниловского или студийского. Матушка была *блаженной* и призывала, подобно Христу, войти в *блаженство* поста, *блаженство* ночного бдения, *блаженство* поклонов, *блаженство* псалтыри, *блаженство* омовения на святых источниках. Вся окровавленная, с головы до ног в ранах Христовых, Евфросиния всегда сияла неземной радостью.

Возлюбил Евфросиньюшку Господь. И чем ближе к ней, тем больше дает скорбей, чтобы умножить благодать и приблизить к Его кресту. То из дома прогонят ее, то побьют, то бесы над ней измываются и последние силы отнимают. Лежит, изрешеченная ими. Кровь струйкой течет из носа, а глаза светятся. Чем больше страдает и милостью Божией воскресает из мертвых, тем сильнее вера. И новая, воскресенная, *аллилуйная* радость наполняет ее изнутри – и лучится нездешним светом, и окормляет окружающих.

На земле определен всепобедительный крест как орудие искупления. И подано блаженство тем, кто посвящен в его таинственнейшую науку. 'Простофилюшка', бывшая учительница с общепедагогическим образованием, была посвящена в высшую тайну креста. И тягала за собою древко, превосходящее ее величиною. И падала, и шла. И

руки в кровь о тернии стирала. Зато иною жизнью жила. Из пакибытия восставала. А 'собачья' ее конура сияла лучами славы Божией!

Какой крест несла – никому не было открыто. Понять мог только посвященный равной ей степени. Нет, не мерою дает Господь Духа! – только и хотелось восклицать о ней.

Посвящена в великие тайны невидимого мира, со старческим помазанием. Всю работу дьявольскую обличала. Показывала, как лукавый действует в том и другом. Обладала властью и силой Святого Духа запретить демону (исцеляла от смертельных болезней) – и еще большей властью благословлять на подвижничество и стяжание Святого Духа. И стяжали, если слушали ее.

Никого к кресту не принуждала. Никому судом Божиим не угрожала. Никого на поклоны насильственно не ставила. Но через одно то, что несла крест, рыдала в ночи, вымаливала, разделяла – помогала стяжать венцы и в свет облекала.

Тайна христианская в том, что любовь вожденная изливается через крест. Есть особый мир креста. Христиане должны войти в это измерение, сферу креста, где крест кажется блаженным.

Что такое тайна креста? Применительно к Евфросиньюшке – огонь купины. Матушка дорогая, посвети нас в тайную сферу креста, в сладость животворящего креста!

Есть ли творчество выше, чем благовестие, чем молитва о ближних, чем гефсиманские кровавые слезы Христовы? Наисовершеннейшее творчество креста – мир святой Евфросинии. Вот сила, ко-

торой будет объята интеллигенция и побеждена агни-йога Рерихов! Вот столп, в который войдут писатели, композиторы, скульпторы и скажут: 'Истинный творец Святого Духа – Евфросиния!'

Под щитом ангельским

Нежная, терпеливая, умная мать, старица рассчитывала каждому крест. Подвижникам второй ступени открывала невидимый мир. Просила творить Киприанову молитву. Начальные довольствовались, говоря по-церковному, 'освятительной' благодатью: беседа, трапеза, сто пятьдесят поклонов, наставления... *Подвижнику* ставится цель – стяжать Духа Святого. Чада посвящаются в крест, приводятся к Голгофе, вступают в брань с духами злобы, совершают аскетические подвиги.

Многие пытались подвизаться с ней, но подолгу никто не мог. Непрестанные вызовы в милицию, скитания, ночные поклоны, короткий сон, строжайший пост и непрерывная молитва... Матушка уже отчаялась кого-либо взять надолго себе в окружение. Но блаженство не покидало тех, кто связал свою судьбу с ней, кто хотя бы провел с ней несколько часов и получил ее печати. Живая трапеза брачная!

Ничто мирское, греховное ее не касалось. Не видела в упор. А если и замечала – в глубокой скорби, тотчас вымаливала и приносила жертву.

Мир для нее существовал ровно настолько, насколько способен был слышать о кресте. Чем прозорливее око духовное – тем слепее к мирскому. Евфросиния, больше полвека проведшая в миру, будто бы и слышать не слышала о проис-

ходящем вокруг нее. Напротив, где ни окажется – среда преобразается, и от каждого псалма – золотые россыпи света!

Я обращался к ней как к таиннице. Увидел дароносицу и стал воспринимать мир ее очами. Во дворце царицы Савской не было бы так спокойно, как в ее княжеских кущах, что в 150 метрах от почаяевской каменной громадины с лубочными куполами, старческими мощами и монашескими страстями. Во дворце царя Соломона не было бы так упокоенно, как в ее ‘пятикратно увеличенной собачьей конуре’, как назвал я грязный сарайчик в огороде содомской скаженной бабки, что жила со своим сыном-алкашом. Лучшего не достойна та, которой открыты двери дворцов небесных... Предлагали шестикомнатные двухэтажные дома – отказывалась: ‘Не принимайте у меня благодать’.

Дух, что ли, сородный? Каждая вибрация ее – родная. Простираюсь у ног ее. Беру восковитую, постно-мощевую, совершеннейшей лепки Божией ручку, прижимаю к сердцу и слушаю ее светлые православные байки о нескончаемых чудесах Божиих, творящихся с подвижниками.

В те времена брежневских гонений излюбленный прием подвижников – рассказывать, как действует Господь и при стальных красных рефаимах. Подтверждать, что ничего не могут поделывать с Богом, что расступаются стены, горят их конторы, что святой скажет только слово – и у тех головы долой. И униженно приползают по ночам на коленях и просят о помощи те, что днем высокомерно надругались.

Каким образом пребывала при Почаевской обители? Как ее не забили палками, трижды проклятую и прогнанную, десятки раз избитую, с трижды раскроенным черепом, с синяками по всему телу? Умирала и воскресала едва ли не каждый день. Как только ангелы держали ее на земле?

На почту пришла – замки́, в автобусах – замки́, в домах, сараях... Спихнули на пол, свечи не продают, водичку от Стопочки не дают, батюшки бегут и хватают за голову, бьют в живот. Бабки тыкают пальцами в спину – лежит полупарализованная...

Какой-то живой ад. Как можно жить подобным образом? Крестный путь и Голгофа, повторяющиеся едва ли не каждую неделю... Таковы скорбные таинства – не как молитва розария и не крестный ход с несением хоругвей и повторением заученных древних песнопений – *живой* крестный путь.

Крепость ее была великая, сила необоримая. И хотя большую брань терпела от демонов, но щит над ней стоял ангельский. При смерти была десятки раз. Бежит, бывало, приложиться к чудотворной иконе, которую по случаю праздника спустили с алтарного иконостаса, а чувствует, сзади кто-то проводит по талии двумя руками и бьет, как током. Отошла два метра – и упала: снова при смерти. К счастью, при ней ее духовная мать Евдокия. Подняла Евфросиньюшку, уложила в стороне и стала горячо молиться. Евфросиния ожила молитвою духовницы своей.

Ноги одеревенели. К причастию подводят за руку – оживает. Боль в животе стихла, а после купания на Святой горке зажили и синяки. Келейница: ‘Матушка сияет, как икона!’ Вся – живое чудодействие. Многие диву даются: или слеплена из иного состава? Истерзанная плоть. Умереть может от щелчка в лоб, а удары терпит невозможные. Другой бы десятой доли не перенес.

ШКОЛА ДУХОСТЯЖАНИЯ

‘Духа стяжал?’

Великая печать, бывшая на матушке – учение о православии как о пути стяжания Духа, блаженстве вхождения в некое особое восхищенное состояние, свойственное избранным. Их ради терпят скорби и ждут схождения благодати. В них – смысл подвизания по вере, крещения, воцерковления и многоскорбного пути утешительного: традиция, присущая русским духовным монахам со времен Нила Сорского, Пафнутия Боровского, Паисия Величковского. Звала к духовным высотам, воодушевляла, вдохновляла.

Близостью к великим тайнам Божиим и дерзновением молитвы напоминала Иоанна Кронштадтского. Жизнь по вере понимала не просто как абстрактное ‘спасение’, привившееся в современном книжном внешнем православии, но как *стяжание Духа* – традиция Серафима Саровского.

Не виделись с ней полгода. Встречает, окидывает взглядом:

– Ну что, детка, Духа стяжал?

– Нет, матушка, какой на мне Дух... (глубокий вздох). Брань страшная.

– Вот видишь, меня не слушал. Наверное, пост нарушал. Творил поклоны, сколько говорила? Оставил дружбу с М. и Н.? Вот видишь!

Объясняет: если Духа не стяжал, значит что-то не так. Надо разобраться, перелистать прошедшие полгода жизни, покаяться – и не повторять ошибок.

Главное для нее – стяжание Святого Духа. Кто бы из чад ни приезжал, спрашивала:

– Ну, как ты? Псалтырь читаешь?

– Читаю, матушка.

– А что ж Духа Святого не стяжал? – и скорбела всем сердцем, видя, что чадо не продвигается.

К священникам отношение было сложное. Различала среди них ‘больных’ (не кающихся), ‘познавших зло’, но кающихся (‘трошки посунулся...’) и ‘с Духом Святым’ – наивысшая похвала в ее устах, хотя иные, даже из стяжавших Духа, были ‘крепко познавшими’.

– Отец Георгий, архимандрит Почаевский, прошел через смерть. Бандиты переломали ребра, требовали денег (казначеем был) – не дал. Потом туберкулез. Испытал Господь. Удержал крест, Духа Святого стяжал. Ты поговори с ним.

– А как, матушка, определить, что на священнике Дух Святой?

– Дары особые, и говорит от Бога. И люди вокруг него...

Круглосуточная жизнь Духом Святым

Не теряйте ревности о Духе Святом, молитвы и поста. Дерзайте об отеческих святынях. Да благословит вас Бог. Тайна: вокруг огненного столпа распространяется сон, горькая тайна гефсиманской молитвы. Не спите!

Стяжание Святого Духа – *лествичный путь* –

прямо противоположен фарисейской неподвижности и недвижимости. С точки зрения храмового фарисейства, человек только освящается таинствами церкви, но остается грешником до последнего смертного часа, нуждающимся в исповеди и причастии.

Матушка зажигала свечу жаждания Святого Духа. Против свечегасов и удушителей Духа горела великой ревностью о Христе и несла на себе печать его истинной ученицы.

Потрясает описание ею стяжания Святого Духа. Того, что предшествует этому величайшему в жизни христианина пасхальному событию, о котором даже не подозревают ни иерархи, ни священники, сводя цель пути к церковно-приходской рутине. Обожение, по ее учению, совершается не когда-то в будущем, а в час, когда белый голубь опускается на спину, входит в легкие, садится на плечо в знак стяжания Святого Духа. Происходит оно в великих скорбях, всегда на волоске, на грани, и сопровождается в дальнейшем не меньшими крестами. Стяжавший Святого Духа претерпевает особый крест – клеветы на Духа Святого.

Каждый шаг с ней был озарением Святого Духа, горением Духом Святым. Говоришь – Духом Святым. Все совершается Духом Святым. Ничего, кроме Святого Духа! Дух Святой – абсолютный царь, действующий во внутреннем, для него нет никаких соперников, ничто земное для него не существует, стерто.

Для меня Евфросиния – как для Симеона Нового Богослова блаженный старец Симеон Мило-

стивый. Блаженств, исходящих от нее, не счесть. Блаженно все вокруг нее. Блаженна собачья конура, в которой она жила, блаженна парафиновая свечка, возжженная в ее келье, блаженна псалтырь в ее руках. Блажен каждый шаг и каждая минута, проведенная вместе с ней на земле, ибо таково Царство Божие. Оно единственно нужно человеку.

Странничаешь с ней – рядом какая-нибудь бесноватая Мария, чернокнижница из Львова. Евфросиния терпелива, и беседа – только о ревностной православной вере, о стяжании Духа. Зашел с ней в комнату – ничего не видишь: ни запыленного пианино, ни допотопных этажерок с совдеповскими книгами. Расстелил одеяло, и хлещи поклоны. Алтарь: поставил стул, благочестиво разместил на покрывале иконки, образки – и освящайся на поклонах, в молитве.

Круглосуточная жизнь Духом Святым была изумительно прекрасна. И тот, кому удавалось пробиться вслед за Евфросинией в ее сферу, был так же счастлив, как и она.

Золотые ключи преображения

Вспоминаю ее первые слова по обретении мощей. Матушка в белых одеждах над мощевым гробиком: 'Иоанн, Отец прославил меня не за мои личные подвиги (не стоит их преувеличивать), а за истинность учения, преподносимого мной'.

Учение о стяжании Святого Духа так редко! Всего два феномена: старец Серафим Саровский – в XIX веке, матушка Евфросиния – в XX. Так ред-

ко – ибо с христианством не связано (!!!). Учение о стяжании Духа как о божении, преображении в Христа и Богородицу – глубоко богомильских и катарских источников. *Стяжание Святого Духа синонимично обожению* как накоплению божественных частиц, утраченных при адаптационной перелепке, восполнению катастрофической утраты, болезненно переживаемой человеком. И предполагает подвигоподвижничество, поскольку напрямую связано с победой над адаптационной перелепкой. А значит – разрыв трехмерной химерической реальности, ее иллюзионов, ветхих связей и т.п.

Уже в первые часы нашего общения матушка дала понять: суть ее уникального учения – стяжание Духа Божиего. О стяжании Духа от истинного Божества учила матушка в традициях древней богомильской школы. Отец открывшийся, свидетельствовавший о ней, был не библейским Саваофом, а *богомильским Отцом*, рождающим свыше и лепящим Христов и Богородиц. И не о Евфросиньюшке только, а о тысячах до нее и о тысячах после, о своих любимых сыновьях и дочерях Он говорил подобным образом: ‘Се возлюбленные Мои, и с ними полнота Моего присутствия и благоволения’.

Евфросиньюшка была больше Серафима Саровского. Серафим только учил, но не показывал как. Евфросиния единственная среди подвижников нескольких веков владела бесценными *ключами духостяжания* – золотыми ключами победы над фундаментальной порчей, преобразования и восстановления человека, о чем мечтали

‘Жизнь по вере
матушка понимала как
стяжание Духа – традиция
св. Серафима Саровского’.

миллионы мыслителей, греческих и римских философов, учителей, вольтеров, дидро... кто только не мечтал!

Преступное фарисейское жлобье скрывает от миллионов людей, ищущих спасения, это чудо – *могущественную благодать* м.Евфросинии. Но еще большее чудо – ее *золотые ключи*.

Как стяжается Дух Святой? ¹⁾ Влюбленностью во Христа и Божию Матерь. ²⁾ Влюбленностью в духовное евангелие. ³⁾ Влюбленностью в старцев и стариц. ⁴⁾ Влюбленностью в брата и сестру. ⁵⁾ Ревностью о чтении псалтыри. ⁶⁾ Прямым водительством Богородицы и ⁷⁾ обожанием Ее. ⁸⁾ Странничеством и ⁹⁾ полным разрывом ветхих связей. ¹⁰⁾ Ночными поклонами и ¹¹⁾ бдениями. ¹²⁾ Омовениями на святых источниках. ¹³⁾ Когда цель жизни – *обрести полноту Божества во внутренних и достичь полного преображения.*

Матушка учила о ТРЕХ СТЕПЕНЯХ СТЯЖАНИЯ Святого Духа: 1) благодать Духа Светлосвята, 2) благодать на благодать, умножающаяся нескончаемо и 3) полнота. О, какая лестница!

Учение ее было тайным. Много было 'познавших' среди учеников. Евфросиния не открывала им тайны старческие. Передавала только самым близким. Хотя говорила, что у человека горячего в вере и ревностного о стяжании Духа, каким бы колдуном ни был, греховная чаша может погаситься, а степень духостяжания оказаться высокой! Приводила в пример мою крестную мать Марию Орловскую. Считала, что та была 'крепко познавшая', но стяжала высочайшие ступени Святого Духа.

Когда человек перестает заботиться о Духе Святом, пребывающем в нем – стяжает духа злого. Таков смысл учения матушки Евфросинии, смысл богомизма! Если человек не стяжает Святого Духа, то сознательно или бессознательно, волей-неволей стяжает злого. А злой дух, известно, мимикрирует под доброту и святость. Злобный – одьявляет, а дух любви – обоживает.

Больше всего матушка любила метанойю, т.е. внутреннюю перемену. Только одно могло ее порадовать в духовном чаде: 'Переменился до неузнаваемости!' Значит, чаша греховная облегчилась и молитва доходит. Значит, порвал с порядком мира, жертвы принес требуемые. А по втором рождении, учила, даются блаженства неизреченные. И как человек стремится к браку и часто бывает счастлив в земном супружестве, так миллионкрат

больше счастлив в *небесном* супружестве, когда сочетается на Брачном одре с небесными Возлюбленной и Возлюбленным и сподобляется трапезы Духа Святого.

Живое руководство для подвижника

Удивление мое было беспредельно – почему же никто не видит эту живую святую? Так же прошли бы мимо и Божией Матери, если бы Она открывала себя не как Первоигуменья или институциональная икона, которую, подобно Пochaевской, по праздникам спускают на веревочке из иконостаса, а облеклась в одежды земной странницы или даже какой-нибудь коровницы (так было у венцев на Святой Руси – видели Божию Матерь в образе доярки)...

Евфросиния находила, как наитие Духа. Властвовала над душой чада своего, и ученик начал видеть мир глазами наставницы. В целом это было блаженное видение – и тяжелое искушение, поскольку никто не мог видеть то, что видела она.

Простодушию ее могли бы позавидовать самые светлые персонажи Гоголя или Шекспира. Любила простых, чистых, ‘не познавших’, как и она, доверчивых. Дух Святой с неистовой силой действовал в ней. Ее абсолютная неотмирность покоряла и поднимала над преисподней обыденностью обывательского Пochaева с его двухэтажной вечно пустующей гостиницей, сумасшедшим домом для тернопольских шизофреников и лаврой не поймешь какого духа. Вроде бы здесь и Стопочка Пречистой, и благодать, какой нет на земле (вторая после Иерусалима святыня) – и сюда же на

помеле слетаются ведьмы со всего мира: с Камчатки, из Израиля, Сан-Франциско, Китая...

‘Простофилюшка’ потрясала кладезем святоотеческой премудрости. Никогда не читала ни одного из святых отцов. ‘Предлагали мне и Златоуста, и Дамаскина – не до них. Грехи бы отмолить, в Царство Божие вступить. Псалтырь, Евангелие, поклончики, святая вода’.

Сколько видел я умных чтецов, чьи вампирные легкие сладостно вкушали мудрость руководств к монашескому деланию старцев IV столетия. Пили мед, из их уст исходящий, оживотворяли слова, относящиеся к подвижникам полуторатысячелетней давности, озвучивали их советы применительно к себе... Но как далеки они были от реальных аввы Дорофея или Пахомия Великого! Евфросиньюшка же, отроду не читавшая ни одного святого отца, служила живым руководством для подвижника. Послушаешь ее практические наставления час или два, в полночь посоветуешься с кем-то из святых подвижников через книгу – совпадает слово в слово. Наутро: ‘Магушка, так ведь вы чешете по Лествичнику. Один к одному 23-я глава из творения синайского игумена VI века!’ ‘Дух Святой подсказывает’, – отвечает скромно и не хочет продолжать.

Чище и прекраснее духовной ревности не видел я.

Истинность духа

Куда ни приведет ее Всевышний – в кременецкий ли однокомнатный домик, в катакомбный подвал, на чердак, в каталажку, в ночлежку, в

подмосковное Красково, еще невесть куда – за несколько минут превращает ветхое жилище в келью. Украшает иконками (простые бумажные преобразуются, лики святых проявляются на них и благоухают на молитве), возжжет несколько свечей, благословит – и пошла келейная молитва, как в скитах Нила Столобенского.

Ходила на кладбище к Амфилохию. Простила его, но уже не любила, как родного отца своего Никифора. Не могла забыть телесных избиений.

Была выше своего наставника. Ее сфера была выше. Амфилохий, костоправ великий, что, как Бог Творец, мог кость переломать пополам и заново срастить, в какой обитал небесной сфере! Но много ли учеников у него? А Евфросинияставляла, как терпеливая мать. ‘Ну, – встречает, – почувствовал мою молитву?’ На чадо смотрит – дошла ли молитва, пролитая кровь за ученика, или нерадивый, ничего не понял? ‘Познавший’ – значит, в ее категориях, следовать не может. Тогда закрывает сердце и дает понять, чтобы побыстрее удалялся. Если же чадо близкого духа – начинается пиршество общения, нескончаемая радость.

Невозможно от нее отойти. О чем бы ни шептала, как бы ни было ей тяжело, как бы ее ни избивали – делаешься невольным участником этих божиих браней. И сердце ее всегда открыто перед тобой. Чистейший образ веры, сошедшей с небес. Перед тобой подвижница истинная, и больше ничего не нужно.

Многие веруют во Христа, имя его произно-

сят. Но не всякий говорящий ‘Господи, Господи!’ близок Ему. А близки к Нему те, кто *его духа* (ее любимое словечко: ‘духа нашего’, ‘истинного духа’). И Евфросиния была духа Христова, духа Божией Матери. Общение с ней было чем-то стократ большим, чем посещение какого-нибудь монастыря или святыни в Иерусалиме.

Печати аскетической совести

Малейшее нарушение внутренних аскетических правил воспринималось матушкой как живое преступление пред Богом: накажет потерей благодати. Грехом для нее, которой грехи были прощены, было пригубить каплю любимого томатного сока в полночь (при том что семь потов сошло с нее после тысячи поклонов) или после сорокадневного поста вкусить картошку с приращением чревобесия, или встать не тотчас, как разбудит ангел, или не вычитать псалтырь за больного (что если погибнет?)...

Восемнадцать лет спала не разуваясь. Не больше двух часов. ‘Один ночной поклон стоит ста дневных’. Кто несколько дней провел рядом с ней, перенимал печати аскетической совести. Вкусить до двенадцати для нее – как для другого залезть в чужой кошелек. Съесть лишнюю корку хлеба во время поста – катастрофа. Ничего так не боялась, как потерять благодать.

С каким легкомыслием сегодня подвижники нарушают пост под любыми предложениями! Всегда сострадательная и умная Евфросинья (не было случая, чтобы двоим дала одинаковые аскетические советы) в одном непреклонна: до двенад-

цати и после двадцати не вкушать, за редким исключением, и бери благословение.

Пост, монашеское правило давали мир в сердце, не отступала благодать. Поклоны – хлеб жизни. Правило нарушить – согрешить.

На сороковой день строгого поста (на хлебе и воде) несколько раз ослепительной молнией просиял ей сноп света. Видимость была как днем, хотя горела всего одна лампада. Свет сиявший был не от мира сего. Часто видела исходящее от иконы мягкое сияние в серебряных нимбах.

Не харизмы только, но сама вера – дар. Не внешнее нечто, навсегда положенное, отшлифованное академической наукой, а облечение в плоть новую скорбями.

Требовательна только к себе, никому ничего не навязывала. Мистическими узами жила. Печати мистической практики ставились через молитву с нею. Умелая наставница вела каждого с изумительным тактом и открытыми ей мерами и сроками. Никого не благословит прежде времени на поклоны, чтобы не схватила гордость, а иному и пост запретит. Сама ничего не вкушает, а посетителя потчует салатом с гречневой кашей, хлебом с медом и обидится, если откажешься.

Преображенная, свыше рожденная, из Царства сошедшая – и такая простая, доступная и никем не замечаемая. А кто лишь внешне пристает к ней – не могут ничего взять из дароносицы живой.

Участливая, теплая. Внимательно всмотрится в лицо приехавшего к ней из Сибири чада:

– Ну как? Трошки посунулся к Богу? – прозвучит наивысшая в ее устах похвала. – Ну, помолимся, а потом за трапезой расскажешь о себе...

В ее присутствии душа рыдала как бы не своими слезами, что было неожиданностью и для самого человека. А иным давалось переживание предстояния на Суде Божиим – трепет, страх.

Неугасимая псалтырная свеча

Всегда в ее руках была псалтырь. Мне было тогда невдомек, что это за таинственная книга. Кругом торжество зла и сатана правит пир среди чумы – а псалтырь возвещает царство Бога и победу святых. Кругом спирает виски от кошмарных наитий и эсхатологических ужасов: страшные суды и вечные муки, антихристы, левиафаны. Кругом церкви с инквизиторами и святыми, иконами и камерами пыток, кельями и темницами. В Царствие доступ только ‘своим’ – с фарисейской меткой на челе... А псалтырь повсюду насаждала мессианистическую эру и Царство святых!

Неслыханно! Могли ли Экхарт и Якоб Бёме, Бердяев и Сергей Булгаков в самых дерзновенных мечтах видеть то, что Давид возвестил, а святые чтением псалтыри утверждали?

Матушка не просто творила псалтырь – пребывала со святыми в Царствии. Каждое слово оживало в ее устах, как икона. Носительница сферы, обживала каждый псалом как дом. Потому и учила, посмертно открываясь из Царствия, о Псалтырь-граде с 20 улицами по числу кафизм, 150 домами по числу псалмов, квартирами по

‘Практика Евфросинии соединяла в себе огненную псалтырную молитву и апостольство’.

числу стихов псалма и божественными обитателями по таинственным смыслам, заключенным в стихах.

Было ей сновидение – из псалтыри, которую читала, выросли розы – одна до потолка, другая меньше. Огромное множество душ ползут, едва переступая со ступени на ступеньку, призывая на помощь мощь святых, останавливаются, умоляют, задыхаются, ниспадают... Она же легко поднялась вверх и вошла в Чертог.

Вымаливание греховной чаши на псалтыри

Нигде в христианстве, ни у каких т.наз. ‘святых отцов и матерей’ вы не встретите учения о *греховной чаше*. Матушка, напротив, часто употребляла этот термин. Чисто богомильская категория!

Псалтырь творила благоговейно – с целью вымолить греховную чашу. Омовение, псалтырь,

поклоны, евангелие, Слово Божией Матери не цель, а способ вымолить греховную чашу. Вот с чего начинается подвижничество! У каждого своя греховная чаша, наработанная от рождения или в прежних жизнях. Ее нужно вымолить, что возможно.

Богомизм здесь полностью разнится с традиционным христианством. Христиане говорят: первородный грех – основа. Искупить его невозможно. Только заслугами Христа (скажем: заслугами церкви). Человек и после полувекового подвизания остается с теми же грехами и с ними умирает...

Иначе говорила матушка: вымаливать возможно! Человек может в крайнем случае и сам освободиться от греховной скверны. Но нуждается в помощи. Старец вымаливает свое чадо. Можно молитвой вытащить душу со дна адского. И тащила часто буквально из преисподней. Попросится к ней бывший туберкулезный или спидовый. Матушка ему: 'Тебя, дитя мое, тащить придется с самого адского дна, где твоя душа сейчас находится'.

Псалтырная молитва имела конкретную цель. Матушка творила псалтырь *следованную*, чтобы после каждой кафизмы конкретно вымаливать больного, грешника или свое чадо. Такова была традиция вычитывания экзортического молитвенника за болящего или грешника с целью его полного очищения. Вера матушки в ответственность псалтыри была такова, что искренне спрашивала при встрече: 'Ну как?' Имела в виду: простились грехи? стяжал Святого Духа? облег-

чила чаша? 'Я за тебя молилась на псалтыри'.
Абсолютно уникально!

Сорок псалтырей

Зимний Почаев. Мороз минус тридцать. На улицы никто не выходит. Дьячок в храме Иова Многострадального бурчит себе под нос молитву. В храме двое калек и три бабульки, как заведено... А Евфросиньюшка стоит на пронизывающем ветру без рукавиц, в осеннем пальто. Псалтырь ее греет.

'Кто псалтырь читает, тому ничего не страшно. Вымолишь грехи свои на сорока псалтырях, и холод тебе ничто. Никаких болезней. Дьявол не имеет силы'.

Какой крепостью божией обладала! Открывала тайны непочатые. 'Если хочешь всерьез, чтобы простились грехи усопшего – вычитай за него сорок псалтырей'.

Такие наставления можно услышать и от обычной старушки панихидной, что подвизалась за небольшие гроши вымаливать усопших. Но благословит Евфросиния своим мелхиседековым жезлом – обретешь крылья на молитве, и вымолишь не одного, а десять, сам того не ведая.

Двенадцатиглавый

В 70-х годах приехала в Почаев молодая красавица Нина, одержимая демоном – оболъщать монахов. Евфросиния провидела неладное: 'Уезжай, пока не поздно! Нет греха страшнее'.

Не послушалась. Поймала в сети монаха. Того выгнали из лавры, а в блудницу вошел двенад-

цатиглавый бес. Мучил по ночам. Сходилась с бесом, как с мужчиной. Не помогали ни молитва, ни источники, ни вычитки, ни чары знахарей. Батюшки злорадствовали: наказал Бог за тяжелейший грех! Никому на ум не приходило помочь несчастной.

Полгода обивала несчастная порог Евфросиньюшки. Понимала: никто, кроме старицы, не поможет. Истинная сила духовная в Почаеве – она. Матушка сначала не соглашалась, видя, какие предстоят ей искушения и страдания, какое зло может выйти от такого исцеления, как будет избивать ее двенадцатиглавый, с какой силой обрушится на нее после псалтырной молитвы.

– Ступай от меня. Поделом. Я предупреждала.

– С места сего не сойду, пока не начнешь обо мне молиться. У-ух! – бухнулась в ноги с тяжелейшим стоном. Скрутил ее дракон здесь же, на глазах святой. Слышно было только: ‘Погибаю! Погибаю!’

Евфросиньюшка посмотрела на нее и смилостивилась. Стала поминать на молитве. Велела покаяться перед бывшим монахом.

Демон вскоре отступил. Но стал мстить... через исцеленную. Несчастная схватила толстую ореховую палку и со страшной силой обломила ее о голову матушки. Страдалица побежала в храм, держась за голову, чтобы спастись от ударов. Нина достигла ее и там – и била, била... Напоследок схватила стул. Старица еле успела прикрыться руками. Потом пальцы были черными, как бы обуглившимися, голова – в огромных шишках. И опять чудо: исцелилась едва ли не на следующий день! Хозяйка удивлялась: от таких ударов

поправляться год в больнице. Милостью Божией зажило!

Двенадцатиглавый не унимался. Нина разломала железным ломом келью матушки. Крошила, пока не осталось от нее ничего кроме развалин. А теперь и почаяевский сарай снесен, и место, где молилась в Успенском храме, заставлено комодами...

Молитвенница Сварога

Молитва матушки была сакральна, круглосуточна. Спит на обшарпанном черном старорежимном диванчике полусидя всего два часа. Во время тонкого сна ручки движутся – перебирают четки, и губки шевелятся в молитве... Перед четками благоговела. Называла их сильнейшим оружием в брани наряду с правильным крестоналожением, псалтырью, Киприановой, постом.

Молитвы выбирала нетрадиционные. Например, известна уникальная молитва древнего подвижника Киприана. Но молитва Евфросинии, данная свыше, по сути открыта впервые. Киприанову так не творил и не знал никто – была *особой силы*.

Киприанова в устах матушки имела неслыханное действие. Демоны ее боялись как огня, хотя и ‘лили кипятком на спину’, обещали отрубить голову, перепилить пополам... О сражениях своих с лютыми духами злобы говорила только самым близким чадам. Но кому открывала ангельские миры – проходили и вратами преисподней. Постепенно вводила в Киприанову, открывая окно духовной брани.

Молитва ее по вере была вдохновенна, лепкой самого Скульптора небесного, поэмой Автора вселенной, Песнью песней премудрого Соломона. Не помню случая, чтобы кого захотела – не вымолила, пожелала – и не исцелила. Всевышний, видя ее скорби и готовность умереть из любви к Нему, дарил все что просила, и более того. И окружающие, недавно равнодушные, становились живыми аллилуйными молитвенниками, благодаря Отца Небесного за совершенные чудеса.

...С точностью часового мастера всматривается в сердце. Пора на молитву: ровно двенадцать. Что бы там ни было – хотя бы десять истребителей одновременно решетили пулями – ровно в двенадцать на молитву. Хотя бы атомная бомба или политический переворот – на молитву!

Ничто так не ценила, как благодать. Никакие имущества земные для нее не существовали. Небесные мастерские открывали ей свои двери, и знала *велию лепку* – веле-лепие рожденных свыше. И спешила к ангелам-скульпторам нового рождения. Из простого прихожанина за полгода лепила воина Илии и Эноха.

Мир очами Евфросинии

Тот, кто ее знал, начинал видеть мир очами Евфросиньюшки. Прививалось особое духовное зрение, исключаящее сделку с совестью. В Переделкино ехать – не к писателям, а к источнику Казанской Божией Матери. В Москву – не за тряпичным хламом, а за благодатью к святому Сергию. Просфорки, святая вода – и летать на ночной молитве!

О чудесах, бывших с нею, могла в простоте рассказывать часами. Сядем с отцом Ильей (тогда еще Миша) в пятикратно увеличенной собачьей конуре и слушаем ее рассказы. Церковная свечка, керосиновый фитилек вместо лампадки и светлые матушкины глаза... Ловим каждое слово. Благодать в нем, сила небывалая! От Амфилохия вознеслась в сферу чудотворений, от Саввы наследовала премудрость, от Евдокии, ее духовной наставницы – молитвенную ревность, и сама любила наставлять – учительница по призванию.

Чудеса ее переполняли сердце слушателя. Овчарки ее не трогают, к родственникам переносится по воздуху. Монахи расступаются перед ней, когда Иов Почаевский приглашает ее к мощам. Трижды возрожденная из смерти. Переболевшая всеми страшными болезнями. Прошедшая через все сталинские институты. От школы до тюрьмы, от больницы до молитвенной кельи...

Евфросиньюшка прорывалась сквозь ритуальный маразм, институциональные штампы. Чего ни коснется – живет, летает. Вводит в благодать. Да что рассказы или поклоны – достаточно просто коснуться ее руки, посидеть с ней рядом.

Говорить много не любит. Кто ее духа, ‘не познавший’ (не заключивший завет с дьяволом), несмотря на грехи и греховную чашу, через поставленные печати будет как она. Чему учит – навечно. Душа уже не забудет, даже если в смятении и отступит ненадолго, не в силах воспринимать крестопоклонный свет и подниматься в пренебесные сферы.

Двенадцать ночи, а мы не можем оторвать от нее взора, и ничего не нужно. Слушать ее – больше, чем молитва. Смотреть на нее – что на икону, пребывать с ней – как в Царствии.

Ты не забываешь обо мне, святая матушка из Царствия. Одинок без тебя, как тебе тогда, в земные дни. Инопространственно ты рядом. Что за жизнь, Господи, в церковном измерении? В Царствии.

Есть тайна подвижничества, не сводимая ни к поклонам, ни к псалтыри, но к большему – к таинственной Деснице. На ком она, тот свят!

Богословие окрыленных

Одними поклонами, если творить их мужественно, не жалея себя (умру, но сотворю правило), можно достичь небывалой ступени покаяния. В два ночи умираю, но если потерплю – в полтретьего потекут вместе с потом и мировые реки благодати.

На пятидесятом поклоне ставится ангел, и обычная келья в духе преображается. Темное шерстяное одеяло, постеленное на полу, как подножие купины. И стоит сонм ангелов. Лампада полыхает, как иерусалимская свеча. В нетопленном доме, сыром сарае, всегда тепло и блаженно – Евфросиньюшка молится!

С ней рядом усталости нет. Без нее и десяти поклонов положить не мог. Лукавый сбивал с ног; сопротивление родовых начал, восстание ветхой личности... С нею – полтысячи сделал, не заметив, сколько времени прошло. Какие крылья! Какой прорыв!

Философия прорыва в Царствие. Богословие окрыленных.

Псалтырь читали три часа. Поклоны клали тысячами, времени не замечая... Казалось бы, что особенного – поклоны. А правильно делают их единицы в мире. Одно – опускаться на колени тяжело, грузно, по-инвалидному, бухаясь на пол всей тяжестью греховной. Другое – легко, упруго и благоговейно.

Целая наука, как делать поклоны, и от нее великая крестопоклонная сила иноческая и монашеская, истинный столп церкви. В науке правильного знаменания и исполнения поклонов – сокровенное чудо православного аскетизма.

Матушка *иначе* понимала поклоны, чтение псалтыри или источники. *Богомильское понимание поклонов – возгревание духа*. ‘Головочка вниз, а дух горе возносится’, – говорила старица. И действительно, вроде бы припадаешь головочкой к полу, а дух воспаряет... Особый образ поклонов! Так – летала на поклончиках. Кладет легко, пружинисто. Показывает как их не столько делать – творить. Молитву творит быстро. ‘Отче наш’ в ее устах пролетает. Во время чтения ‘Богородичной’: ‘На словах *Господь с тобою* голова касается пола. Господь сам открыл’. После пятисотого поклона зареют небесные сферы и Бог ‘плещма Своима осенит тя’⁵.

Кто мог, как она, учить о поклонах? Кто мог, как она, выводить в сферы небесные? Для Евфросинии поклоны – зиждительное творчество. На

⁵ Пс. 90.

поклонах ею штурмуются неведомые миры, побеждаются демонские воздушные сферы, прободаются преисподние пространства. Ни один лукавый не смеет восстать. Расступаются горы вышнего Сиона, и сам царь Давид протягивает ей восторженно руку: 'В моих иерусалимских шатрах не знали такой высоты. Дивная старлица, иди ко мне, потрапезуем вместе и насладимся духовной беседой!'

Таинство ночных поклонов. Пот на них сакрален, как покаянные слезы. Имя истаивает. Ветхой личности нет. Крылья прирастают уже на сто пятидесятом, если встанешь мужественно, несмотря на усталость, помыслы, сопротивление внутреннего существа.

...Берет подстилку и – на снег. Снегу по колено. Подстелила и летает на поклонах. Тепло. Хорошо. Так до трех ночи. Выложила тысячу поклонов – бежит на монашеское кладбище с огарком свечи, к могилке Амфилохия, вычитать оставшиеся псалмы. К пяти утра уже, глядишь, пора! – летит на полунощницу в собор. Там встанет на своем месте, в неприметном углу, низко склонит голову в великом трепете, как перед Распятым Господом, слушает монашеское пение.

Поклоны не всегда радость. Иногда, делая их, ощущала на спине тяжесть: 'Ташу на себе еще одну Евфросинию. За грехи'. С трехсот первого по пятисотый подается неземная благодать. Забыть ее душа не может. Что по сравнению с покаянными поклонами и мокрыми от умиленных слез платками 'выходы' космических ведьм? Их бы на поучение к святой Евфросинии!

Любит Евфросиньюшка поклоны. На них плачет нескончаемо, роняет слезы одну за другой. Ей уже за семьдесят, а тысяча поклонов для нее не предел. Были времена, клала по две и по три. Поклоны с ней – касание бабочкиных крыльев.

Блаженная ночь поклонов со святой Евфросинией

...Отнеслась душа в пещеру ветхого Адама, оплакивавшего роковые последствия своего грехопадения. Молится ли с монахами Синайской пустыни игумена Иоанна Лествичника... Оплакивает человек свое прошлое. Перед ним – Голгофа Распятого, и сам Господь смотрит прямо в сердце с обжигающей слезой. И прощенное воскресение: увидел всех, кого оскорблял, соблазнял. И старица смотрит на тебя и радуется:

– Кайся, детка, кайся. Вспоминай, кого искушал, кому зло творил. Искренне покаешься – Господь простит.

Четверть века будешь исповедоваться в храме и стучаться в сердце священника, пять лет добиваться приема у лаврского старца – и даже не приблизишься к тому, чего Евфросиния достигает за полтора часа крестопоклонной челобитной, этого святорусского старания.

Нет для нее ни одной души, которой бы не простилось, если приложит достаточные усилия. Всегда Бог милостив! А человек... Если бы пожелал, чтоб открылось, и стучался как следует, открыли бы ему, ведь учит Господь: стучите, и откроют вам.

– Люба, заведи будильник. Через полчаса чтобы подняла.

– Матушка, я и так запомню, отдыхайте.

– Забудешь. Говорю, будильник заведи.

Тонкое тело оборачивается в псалтырные богатые одежды, и каждой клеткой переживаешь, например, из 67 псалма: ‘Колесница Божия, тмами тем, тысяща гобзующих’ – сорадующихся. На тысячном поклоне покаяние сменяется созерцанием и высоким восхищением ума. Первые кладутся легко и быстро, последние медленно, насыщено. Душа входит в превышенебесные сферы. Евфросинии дано вводить в них.

Ей дан жезл, открывающий сердце. Ей дан посох, открывающий небо! Поклоны с ней становятся дыханием. Уже не можешь без них – жаждешь их. Побыстрее бы с электрички, и – на поклоны! О радость! Расстелил в тамбуре газету, и время не терять – на поклоны. Блаженство! Во тьме мировой ночи, как светлячки в степи, светятся безмолвники поклонов.

О, блаженная ночь поклонов со святой Евфросинией! Паломники Лурда, погасите десять тысяч факелов ночного шествия. На поклоны к Евфросинии! И какую скорбь вызывают туристы из Канады в маленьком итальянском Ассизи, идущие на поклонение к великому Франциску! Трехэтажный цементный саркофаг...

Ночь с Евфросинией больше, чем посещение всех святых мира. Я предпочел бы французскому Лурду и туристическому маршруту Москва-Иерусалим матушкину пятикратно увеличенную собачью конуру, чтобы сотворить в ней в одну знойную ночь под стрекот цикад тысячу поклонов.

– Матушка, вы не устали?

– Да что ты! Заговорились мы с тобой. Давай на поклончики.

По часам Христа

Какая благодать жить по часам Христа! Кто-то с двенадцати до двух зажат в тиски – время тяжелого оцепенения. Отяжелевшая утроба и сон с телекошмаром. Для Евфросинии – часы Христа. Время наставшего Царствия. Жених грядет в полночи. Евфросиния зажигает свечи. Келья сияет, как небесный храм. И по серебряным лучам нисходят аммиэли, дивно радуясь ее победе над лукавым.

С двух до четырех – время Богоматери. На облаке, вместе с апостолом, посещает ее успенский Брачный одр, украшенный лилиями с терниями. Неутомима на поклонах с богородичной молитвой. А рядом с ней молящиеся видят Богородицу воочию!

Часы с четырех до шести – сошествие святых из Царствия. Сонмы ангелов-хранителей сходят с ними. Император Николай II во славе опустился не над папертью Успенского собора – над матушкиной кельюшкой-сараем! Не над Александрийским столпом в Санкт-Петербурге – над Евфросиньюшкиной ‘конурой’.

Омовение на источниках

Дивная атмосфера царила на святых источниках, где многие получали исцеления. Старица чувствовала себя здесь в силе, и купание с нею в священных водах как бы приравнилось к возобновлению крещения. Евфросиньюшка на

источниках преображалась. По ее молитве помутненная вода становилась прозрачной, холодной или теплой. Источники любила и искала повсюду.

Омовение – *царственное таинство*. Кого хотя бы однажды купала на источниках, жаждал еще и еще. Дитя, нежной и доброй матерью омываемое, не испытывало такого блаженства. Если бы проповедовала в Иерусалиме близ Овчей купели, ее ожидали бы тысячи калек...

Как омывала Евфросиния – никто не мог. Сорок раз окунает в воду, накладывая руки на голову. Атмосфера ангельская. Сколько невидимых чинов с ней ходило! Сама омывалась часто и истово. Как священник спешит поутру на литургию после ночного бдения, так торопилась на Святую горку. Где ни окажемся: есть ли поблизости источник?

Таинство омовения. Омытый молитвой и слезами ее выходил из воды с иконописным ликом. Десятки исцелялись от неизлечимых болезней. После купания на Святогорском источнике (или другом, неподалеку расположенном – в честь Анны-пророчицы, позднее закопанном трактором) лица у самой Евфросинии и ее чад просветлялись, становились как у святых, сияли неземной красотой.

– Матушка, плохо мне...

– Соберись на источник, едем!

Ждем полчаса автобус. Евфросиньюшка стоит маленькая, сгорбленная. Внезапно появляется машина – частник. Садимся, и уже через полчаса поднимаемся по горке, и еще через полчаса со-

вершается чудо нового рождения, возобновленного крещения. Блаженная свежесть охватывает очищенные недра. Бесконечной благодарностью к старице исполняется душа.

После богослужения первым делом – на святой колодец. Омовение, акафист, молитва. Омывает, как и проповедует, в силу Иоанна Крестителя. Перед погружением в воду призывает к раскаянию: ‘Каешься в грехах?’ Со властью священнодействует, распоряжаясь, кому после кого заходить. Пасха, иорданское крещение!

Родники были для нее как небесные водные храмы. Таинственным жезлом обычную криницу, из которой пили коровы, освящала и превращала в целебный источник. Источники не от болезней частных избавляли, но в целом от греховной чаши. На святых источниках, если омовение совершал старец или старица, происходило чудо – внезапно омываемый очищался от греховной скверны!

Вот почему Евфросинюшка почти каждый день (не меньше двух-трех раз в неделю) посещала со своими учениками Святую горку. Хотя ее там выследили и запретили – ничего не боялась, вопреки всем обстоятельствам, несмотря ни на что!

О омовение, которое я испытал наедине с матушкой! Держит ручку над головочкой своего ученика и сорок раз (не меньше) окунает и поднимает в том самом источнике, на месте которого Богородица являлась полтысячелетия назад. Греховная чаша внезапно очищается. Святой источник продолжает и в дальнейшем омывать человека!

Исцеление москвички

Одни сплошные чудеса на источниках, на той же Святой горке! Вспоминаю, приехала одна москвичка, в евфросиньюшкиных категориях – ‘шибко познавшая’ зло, профессорша философии. Представляете, какие заветы? И угораздило же ее простудиться. Температура 39,8. К матушке:

– Помоги, исцели!

Евфросиния:

– Пойдем на святой источник.

– Да ты что, матушка, у меня температура под сорок! Сразу кондрашка хватит. Разве можно с такой температурой да в ледяную воду?

– Дурочка ты эдакая. Источник-то святой. Иди со мной! Я беру на себя.

И что бы вы думали? Поехала вместе с Евфросинией (взяли такси). Святая горка в 5–7 км от лавры, живописная стометровая гора с высокими хвойными деревьями. На вершине источник Святой горки, куда ступала Божия Матерь полтысячелетия до того.

Вошла, затрепетала:

– Боюсь, матушка.

– Смело окунайся.

Окунулась 40 раз (не меньше 5-7 минут) – вышла исцеленная! Измерили температуру после омовения – 37,2!

Ваш покорный слуга так же был исцелен от мигренозной головной боли. Первые Откровения Божией Матери сопровождались тяжелейшими болями. По много часов буквально разрывалась голова... Прошло от омовений матушки.